

1. Диссиденты и общество

Наиболее яркое, «лежащее на поверхности» общественной жизни явление оппозиционной среды 60-х — 70-х гг. — диссидентство. Споры о нем не прекращаются. «Диссидентство — это симптом, а не фактор общественной эволюции»², — считает П.Волков. По его мнению, диссидентство реально не воздействовало на ситуацию в стране. Эту мысль продолжает И.Смирнов: «Диссидентство в нашей стране никогда не было политической оппозицией. Ведь всякая реальная оппозиция, пусть и без должных оснований, но надеется когда-нибудь стать правительством. В диссидентстве же действовал принцип чистой жертвенности. Человек громко заявлял: “Я против”, чтобы сгинуть, быть вычеркнутым из общества, из его реально существующих механизмов. Эти люди достойны глубочайшего уважения. Но опыт войны на Тихом океане свидетельствует: камикадзе оказались очень плохими пилотами. Диссидентство имело смысл и силу только как индивидуальный нравственный выбор. Попытки строить на его основе организованную, профессиональную политическую деятельность неизменно оказывались несостоятельными. И что бы ни писали об этом сегодня (когда все стали смелыми, как Матросов), в начале 80-х диссидентство представляло собой секту, отгороженную даже от самой образованной части соотечественников стеной страха и непонимания»³. Эти слова справедливы, но не во всем. Опыт пиратской войны в Атлантике свидетельствует: корабли иногда меняют флаги. И бывшие диссиденты, когда возникла возможность, встали на сторону Власти, на деле показав — многие из них вовсе не исключали возможности стать частью правящей элиты.

«Из диссидентов делают теперь героев-предтеч нынешней власти. И справедливо делают, — считает П.Волков. — Если мы хотим понять, почему отношение нынешней власти к народу такое, какое есть, то надо и начинать с самого начала: с диссидентского движения времен застоя. Диссидент-демократ был культурным прототипом «демократа»-политика. Конечно, немногие диссиденты заняли высокие посты, но все же: Гамсахурдия стал президентом, Черновил возглавил Львовскую область, Якунин и Ковалев в Верховном Совете, Кудюкин — замминистра, и т. д., и т. п. Да и по телевидению воспитывают нас они же. С них началось движение интеллигенции по перестройке мышления народа»⁴.

КОВАЛЕВ Сергей Адамович

1930 года рождения. В 1954 году окончил биологический факультет Московского государственного университета (МГУ). После окончания учебы с 1954 по 1956 работал в МГУ старшим лаборантом. В 1956—1959 годах — аспирант кафедры физиологии животных, в 1960 году — младший научный сотрудник МГУ. С 1961 по 1964 годы — старший инженер, затем младший научный сотрудник Института биофизики АН СССР. Вернулся в МГУ в 1964 году, до 1969 года заведовал отделом межфакультетской лаборатории математических методов в биологии. Кандидат биологических наук (диссертация по теме

«Электрические свойства миокардинальных волокон сердца лягушки», 1964). Автор более 70 научных публикаций.

В 1970—1974 годах, после увольнения из МГУ по политическим мотивам, работал старшим научным сотрудником на Московской рыбоводно-мелиоративной опытной станции.

Заниматься общественной деятельностью Ковалев начал с 1956 года, когда в биологической науке шла борьба против последователей академика Лысенко. Ковалев являлся одним из авторов письма в деканат биологического факультета МГУ о восстановлении в правах генетики как учебной дисциплины.

С 1967 года начал активно заниматься правозащитной деятельностью. В 1969 году познакомился с А.Д.Сахаровым, став вскоре его близким другом. С 28 мая 1969 года (то есть с момента основания) — член Инициативной группы (ИГ) защиты прав человека в СССР. Группа занималась проблемой прав человека в СССР, выступала в защиту прав конкретных людей, подвергавшихся политическим репрессиям. Прекратила свою деятельность в результате репрессий в 1974 году.

Члены ИГ были в числе организаторов и редакторов «Хроники текущих событий» (ХТС), — подпольно издававшегося с 1968 года правозащитного бюллетеня, выпуск которого был прекращен в 1972 году после угроз КГБ арестовывать, по мере появления очередных номеров, людей, хотя и не причастных напрямую к его изданию, но уличенных в чтении ХТС или контактах с ее издателями (переданная из КГБ угроза была подкреплена арестом Ирины Белгородской). 7 мая 1974 года на пресс-конференции для иностранных журналистов Ковалев и другие члены ИГ (Татьяна Ходорович и Татьяна Великанова) заявили, что они не желают подчиняться шантажу КГБ и берут на себя всю ответственность за передачу на запад новых выпусков «Хроники». Впоследствии ХТС выходила до 1982 года. С сентября 1974 года Ковалев являлся членом советского отделения организации «Международная Амнистия». Отделение, состоявшее поначалу из 11 человек, к 1977 году органами КГБ было разогнано. Некоторые его члены были арестованы, другие эмигрировали.

Ковалев был арестован 28 декабря 1974 года и, несмотря на международную кампанию в его защиту, был осужден в Вильнюсе 12 декабря 1975 года за «антисоветскую пропаганду» на 7 лет лагеря строго режима и 3 года ссылки (статья 70 УК РСФСР). На суд над Ковалевым в Вильнюс приезжал Андрей Сахаров.

Находился в заключении и ссылке до 1984 года. Вернувшись из ссылки, вынужден был жить в Калинин (ныне — Тверь), так как жить в Москве ему было запрещено. Впоследствии депутат Верховного Совета РСФСР, депутат Государственной думы от блока «Выбор России», парламентский представитель по Правам человека.⁵

ЧОРНОВИЛ Вячеслав Максимович

1938 г. рождения. Окончил факультет журналистики Киевского государственного университета. После окончания КГУ три года работал во Львове старшим редактором молодежных и спортивных программ местного телевидения.

После переезда в Киев участвовал в национальном движении украинской интеллигенции. В 1967 году Чорновил был первый раз арестован и осужден на полтора года лишения свободы. После освобождения стал издавать журнал «Украинский вестник». В 1972 году был вторично арестован и осужден на 6 лет лишения свободы в лагере и 3 года ссылки. Находясь в ссылке, вступил в Украинскую Хельсинкскую группу. Третий раз был осужден по сфабрикованному КГБ уголовному делу об изнасиловании. Был освобожден в 1985 году. Впоследствии — председатель областного совета Львовской области⁶.

ЯКУНИН Глеб Павлович

1934 г. рождения. В 1952 поступил в Московский пушно-меховой институт (МПМИ). В 1955 институт был расформирован, а студенты были переведены на факультет охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института, который Якунин окончил в 1957 г. В Иркутске снимал квартиру вместе с А.Менем, который учился на том же факультете (Якунин был на курс старше). Под влиянием А.Меня стал православным христианином, затем священником. Рукоположен в 1962 году, служил в городах Зарайске и Дмитрове Московской области.

В ноябре-декабре 1965 вместе со священником о. Николаем Эшлиманом выступил против внутрицерковных реформ, направленных на большее подчинение церкви властям. Священники отправили открытые письма Патриарху, всем епископам и председателю Президиума Верховного Совета (ВС) СССР Н.Подгорному. В письме Подгорному они требовали прекращения вмешательства Совета по делам религий и его уполномоченных во внутрицерковную жизнь, апеллируя к закону об отделении церкви от государства и конституционным гарантиям свободы вероисповедания. Однако у некоторых близких к православным кругам людей письмо вызвало отрицательную реакцию: священников упрекали в том, что они вместо упования на силу молитвы в «духовной гордыне» вмешались не в свое дело. Решением Патриарха Эшлиман и Якунин были отстранены от священнической службы.

После этого Якунин служил псаломщиком в церковном хоре, алтарным сторожем. В 1971—1977 годах подписал и опубликовал в самиздате ряд писем и обращений с критикой положения религии в СССР. Был одним из основателей созданного 30 декабря 1976 года в Москве Христианского комитета защиты прав верующих в СССР.

1 ноября 1979 года Якунин был арестован и 28 августа 1980 года осужден на 5 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки. В лагере не прекращал борьбы за права заключенных, проводил голодовки и применял иные формы протеста против преследования верующих в местах заключения. Впоследствии — депутат Верховного Совета РСФСР и Государственной Думы, один из лидеров движения «Демократическая Россия»⁷.

Но идеи диссидентов были широко распространены вне их среды. «Перестройка мышления народа» началась не диссидентами. Она проводилась самим народом, который, сначала вопреки политике партии, а потом в соответствии с ней стал избавляться от единомыслия. В этом процессе роль дис-

сидентов заключалась в том, чтобы расширять пространство «дозволенного», углубляясь в недозволенные области. Суть подлинной оппозиции состоит вовсе не в стремлении к власти, а в наличии своей позиции, не совпадающей с официальной. Диссиденты действовали в политической плоскости. «Декларации протеста были фактически списаны с партийных документов — с обратным знаком»⁸, — считают П.Вайль и А.Генис.

«Что общего было во взглядах всех течений оппозиции? Пожалуй, наиболее общей была идея ограничения произвола власти, — считает П.Волков. — Потому это и оппозиционная идея... Процесс в индивидуальном сознании воспроизводит исторический процесс. Этот процесс имеет свои стадии и промежуточные этапы. Хрущевская оттепель пробудила способность быть личностью уже во многих. Застой принудил личности спланиваться, искать друг друга в потемках, создавать группы и выживать в них. Создавать более устойчивые группы, чем оттепельные клубы диспутантов-индивидуалов. До следующей стадии — осознания способности к широким объединениям, партиям дело тогда дойти не могло. Процесс застрял на стадии замкнутых групп»⁹.

Как мы увидим ниже, эта картина неточна. Диссидентские группы не были замкнутыми, так как связывались между собой и имели относительно широкую периферию. Но все движение, включая и периферию, было слабо связано с основной массой населения. И дело было даже не в репрессиях властей и информационной изоляции оппозиции (что было также важно), но и в психологическом контрасте диссидентов и основной массы населения.

Было ли здесь ключевым различие во взглядах (отсюда само название — «инакомыслящие»)? Но ведь и большинство советских людей не были фанатиками официальной доктрины. Это позволяет участникам диссидентского движения оспорить само название «инакомыслящие»: *«Последнее название кажется нам малоподходящим. Суть не в том, что “диссиденты” мыслили по иному, нежели все, а в том, что они по иному действовали... Они вторгались в заповедные, ревниво оберегаемые властью уголья “запретных тем”; отрицая право власти на высший суд в области духа, они одновременно осознали свое право быть другими (по существу, включающее в себя и прочие права) и явочным порядком начали его осуществлять»*¹⁰. Для обычного гражданина СССР общество, в котором он жил, было вполне «терпимым», его недостатки не воспринимались как нечто катастрофическое, мешающее быть собой. Нравственные нормы обычного человека допускали существование такого общества при всех его недостатках.

С диссидентами дело обстояло иначе: «По самосознанию и по характеру деятельности правозащитное движение является не политическим, а нравственным», — считает Л.Алексеева¹¹. Нравственные нормы диссидентов были с этим обществом несовместимы. Л.Богораз, С.Голицын и С.Ковалев также полагают, что «импульсом к участию в правозащитной деятельности была нравственная позиция (осознаваемая с большей или меньшей степенью обобщения) — личная позиция»¹². А.Сахаров писал в письме Горбачеву 19 февраля 1986 г.: *«Цели их действий в подавляющем большинстве слу-*

чаев были высокими — стремление к справедливости, гласности, законности (что бы ни писали о них беспринципные пасквильеры). Люди не идут на такие жертвы ради корысти или тщеславия, ради низменных или мелочных целей!»¹³. Это — несомненная правда. Приведем только один пример: Г.Павловскому КГБ предлагало отказаться от сотрудничества с журналом «Поиски» либо, даже оставаясь в редколлегии, отказаться от реальной работы. Он предпочел суд¹⁴.

Но как возникала эта «завышенная» планка моральных норм? Что позволило этим людям преодолеть барьер между человеком иерархическим и человеком идейным, перейдя ко второму состоянию в самый «неподходящий» момент с точки зрения общественных условий. Легко участвовать в несанкционированной общественной активности вместе со всем обществом или хотя бы в период «оттепели». Но в 70-е гг. решиться на это было гораздо труднее, и диссиденты представляли из себя явление исключительное.

П.Волков пишет: «Они развивались как личности в нескольких средах: чаще ... в среде интеллектуальной молодежи столиц, остро формировавшей дух времени: 2-ая Московская физматшкола, астрономический кружок дворца пионеров и школьников и т.п., столичные НИИ и творческие объединения, либо в среде людей, затронутых прежними репрессиями. Микросреда стимулировала индивидуальные проявления человека часто в направлении дистанцирования от черт иной, более широкой среды. Но решающий сдвиг состоял в однажды обострившемся конфликте с миром официоза, в осознании своей чужеродности ему через некое событие: акт официоза обидевший, задевший чувства или ограничивший возможности человека. Вот тут и проявлялись ранее незаметные черты характера. Если человек слабovolный пасовал и худо-бедно приспосабливался к своей участи, то человек с характером становился непреклонным. Нет нужды разбирать, прав или не прав был человек, натолкнувшийся на твердость официоза, это несколько не меняет исход ситуации. Официоз воспринимался отныне как враждебная сила и всякий вновь замеченный его порок ставился ему в вину как злоумышленный, дело нередко заканчивалось пустым негативизмом, когда суждения самого отвлеченного характера накладывали отпечаток непосредственно на быт, причем отпечаток весьма болезненный.

Так, например, мой знакомый бросил работу и бедствовал. А на вопрос, почему он это сделал, стал объяснять, что в СССР зарплата инженера меньше, чем пособие по безработице в Америке, поэтому он работать не согласен. Мысль, что он живет не в Америке и придется приспосабливаться, хотя бы для обеспечения первичных жизненных нужд, для него была неприемлема. Это, конечно, крайний пример, но в той или иной мере подобные установки сказывались на поведении диссидентов... Диссиденты походили друг на друга в том, что их душевный склад был эксцентрическим. То есть какая-либо черта характера сильно превалировала. Это могла быть особая реактивность психики, повышенная впечатлительность, эмоциональность скрытая или более явная, импульсивность. Людей толстокожих, инертных среди них не было... Болезненное самомнение, самолюбие, подчеркивание значения своей личной позиции. И трудно отрицать за ними мо-

ральное право на это, ибо оплачивалось все высокой ценой. Если, конечно, в решающий момент испытания диссидент не раскаивался. Поскольку мы прощаем слабости, скажем, звездам эстрады, то можем простить их и известным диссидентам... И умных, и глупых среди диссидентов было куда больше, чем статистическая норма для населения в целом. В том-то и дело, что это была интеллектуально поразительно сильно дифференцированная среда»¹⁵. Связь этической доминанты диссидентского движения и его импульсивности, отсутствия продуманной стратегии признают и авторитетные диссиденты: «Эта позиция определялась ощущением полной нравственной несовместимости с происходящим. Она не была основана на размышлениях и прогнозах отдаленных последствий, не предполагала отдаленной конечной цели. Она исходила из нравственной невозможности промолчать, отвернуться, не заметить — сегодня. Поэтому и перед тем, как пойти в тюрьму, и кончая срок, человек был уверен, что поступил правильно, но не готов был ответить на вопрос, какие именно результаты своей деятельности он бы хотел увидеть в будущем»¹⁶.

Инакомыслие еще не означало диссидентства. Зрелый иерархический человек не мог не видеть несправедливости и неэффективности существующего строя. Но диссидент не мог об этом молчать. Он был «человеком идейным», психологическая структура которого гармонировала с этой стадией личного развития, а период в развитии страны — нет. Это создавало яркий контраст.

Некоторое время человек мог жить в двух мирах, читая «диссидентцину», помогая оппозиции и оставаясь «добропорядочным гражданином». Система ревниво относилась к подобному «двоемыслию», что часто подталкивало инакомыслящих к переходу в диссидентский лагерь. Но Система лишь создавала повод, на который люди разного характера и разного уровня развития реагировали бы по-разному. Для одних действия властей могли «стать уроком», вернуть к внешней благонамеренности, для других становились «пусковым крючком» для неизбежного перехода к состоянию, когда идеи важнее социальной иерархии. Рано или поздно такой выбор наступал. В этом отношении характерен пример В.Аксючица, который был секретарем партбюро факультета в МГУ и одновременно — верующим человеком и издателем религиозного самиздата. В.Аксючиц рассказывает о своем переходе в открытую оппозицию:

«Все началось с чтения Библии, которую мне подарил мой дядя, настоятель Казанской Божьей матери. Евангелие произвело сокрушительное впечатление. Потом я вдруг сделал для себя открытие: во всей мировой философии нет ни одного философа-атеиста. Вообще нет. И даже нет ни одного философа-материалиста. Демокрит — считается материалистом. Но что такое атом? Некое духовное начало. Поэтому я подумал, что если самые умные люди человечества веровали в Бога, то, очевидно, за этим что-то есть.

В 1977 г. мы с А.Зеленцовым начали издавать философскую религиозную литературу — Соловьева, Булгакова, Хомякова и других. Размножали «Архипелаг ГУЛАГ».

В 1979 г. Зеленцова вызвали в КГБ. Он приехал ко мне и сказал: «Очевидно, что у тебя будет обыск. Немедленно все убирай. Мы сложили два тяжелых чемодана и как “опытные” люди садимся в такси и пытаемся оторваться от агентов, которые, как мы думали, за нами наблюдают. При этом мы совершаем действия, которые могли бы привлечь внимание всей Москвы — меняем такси в людных местах, и наконец приезжаем к нашему другу Мише Гусеву и просим его отнести их уже к четвертому другу. Мы думали, что таким образом окончательно заметем следы. При этом я сказал Мише: «Если тебя возьмут с чемоданами, скажи, что они мои». На следующий день Миша пропал, и только через три дня появился с совершенно фантастической историей. Как только он вышел из дома с чемоданами, его задержали и отвезли в местное отделение милиции — КГБ часто действовал руками милиции. В отделении Миша рассказал свою историю о друге Пете, который приехал из Ленинграда, попросил поддержать чемоданы и куда-то делся. Три дня они его допрашивали, вызвали жену и отца и сказали: “Вы его видите последний раз, если он сейчас не признается, чьи эти чемоданы”. Он не признался, и тогда они извинились и просили его сообщить, если появится Петя из Ленинграда...

Узнав об этом, я решил “сдаться”. Пришел в отделение, меня пригласили в кабинет начальника. Впрочем, сам начальник сидел сбоку, а в его кресле расположился человек в штатском.

— Это Ваши книги?

— Мои.

— А почему они у Вас?

— Я философ, и по теме диссертации “Проблема человека у Николая Бердяева и Пауля Тиллиха” мне нужна богословская литература. Читать я ее никому не давал. Политическая литература — от любопытства.

— Чтобы соблюсти формальности, напишите заявление о возвращении. Составим списочек.

Дальнейшее для конца 70-х гг. было просто анекдотично:

— Первое. “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицина. Ваше?

— Мое.

— НТС. Программа борьбы с коммунизмом. Ваша книга?

— Моя.

Я знал, что нельзя с ними сотрудничать, что-то подписывать. Но книги было очень жалко. Закончили этот длиннейший список. “Очень хорошо, сейчас вернем. Пойду только у начальства утвержу”. Человек в штатском вернулся: “Вы знаете, к сожалению не повезло, начальник уехал, приходите завтра”. Краем мозга я все понимал, но уже хотелось пройти этот путь до конца.

На следующий день в кабинете начальника сидел сам начальник отделения.

— Здравствуйте, Вы меня помните?

— Помню. По какому вопросу?

— Я прошу выдать книги.

— Какие книги?..

Когда ему надоела игра, он сказал: “Молодой человек, Вы что, еще не поняли ничего. Вы еще учитесь в аспирантуре?”

— Вроде да.

— Ну так до свидания.

Я поехал в МГУ, и там мне сообщили, что я уже не учусь в аспирантуре. Поскольку я был общественным активистом и секретарем партбюро курса, мне доверительно сообщили, что звонили из КГБ, после чего фамилия из списков аспирантов исчезла.

Тогда я решил, что раз мне сказали “До свидания”, то и я скажу то же самое. Я решил выйти из партии и изменить образ жизни. Начал шабашиить, но обязательно с трудовой книжкой — красил заборы и т.д. Саша Зеленцов еще выступал, что-то доказывал, когда его исключали. А я решил просто прекратить общение с ними.

Чтобы исключить меня из партии, нужно было сначала меня пригласить на заседание партийного органа. И партия стала ходить ко мне. Прислали ко мне однокурсника. Он доказывал мне, что нужно быть в партии, чтобы заниматься наукой. Я говорю, что уже наглогался всем этим и ухожу.

— Ты на что рассчитываешь?

— Я рассчитываю на то, что все будет нормально, буду жить, а когда настанет время — буду публиковаться.

— Неужели ты веришь, что когда-нибудь рухнет этот режим?

— Конечно, я убежден, что мы до этого доживем. И уж тем более наши дети.

Ко мне прислали секретаря парткома МГУ. На этот раз молодой кандидат наук пришел, увидел у меня в кабинете портрет Солженицына на стене и говорит: “Я понимаю ваши взгляды, я их полностью разделяю, как и большинство членов нашего парткома, вы талантливый и т.д., но надо быть внутри, надо бороться, надо делать”. Я говорю: “Вы знаете, вы выбрали для себя этот путь, а я выбираю другой — быть вовне, жить другой жизнью”. Затем пришли представители парткомиссии МГК. Эта комиссия рассматривает дела перед подачей на окончательное решение. Где-то полдевятого звонок в дверь. Стоит древняя старушка, а рядом с ней молодой человек. Старушка сразу так доброжелательно говорит: “Виктор Владимирович, как рада вас видеть”. Зашла в дом, рассыпается в комплиментах, все замечательно.

— Как же так, вы ведь еще такой красивый, такой молодой, вы такой талантливый, вы будущий ученый, вы и учитесь и общественная работа идет замечательно. Почему же вы ушли из партии? Как такое получилось?

— Вы знаете, я не считаю себя членом КПСС, я не считаю себя коммунистом.

— Как же так? Как же так получилось?

— А вот так, получилось. Что же мне теперь всю жизнь рассказывать.

— Ой, какие у вас детки хорошие.

Она говорит: “Но все-таки, как же так, вы такой были. Вы хоть тогда придите к нам на парткомиссию, хотя бы партбилет отдайте”. Я

говорю: “А зачем приходить? Вот я вам сейчас отдаю”. Она его открывает и говорит: “Ой, он у вас такой чистый, не мятый. Значит вы все-таки любили его”. Я просто храню документы нормально, у меня и паспорт чистый, не мятый и партбилет оказался в обложке, нормальный. «Вы прямо так, прямо тут, без всего, отдаете?» “Пожалуйста, берите, я его отдаю, нет проблем”. Когда был исчерпан арсенал уговаривания и обаяния, тут она сделала вид, что впервые увидела икону и сказала: “Ах вот в чем дело! Вы знаете, вам не место в партии!” И когда она выходила, последний жест, когда она от лифта вернулась и прокричала, показывая на детей, которые ползали вокруг: “И все-таки они будут с нами!”¹⁷.

Экстравагантность и этический максимализм будущих диссидентов постепенно выделял их из среды романтиков-«шестидесятников». По остроумному замечанию П.Вайля и А.Гениса, «диссиденты делали то, чему их учили в советской школе: были честными, принципиальными, бескорыстными, готовыми к взаимопомощи. Проповедь торжества духовных идеалов над материальными полнее всего реализовывалась в диссидентском движении»¹⁸. Роль референтной группы в диссидентстве оказалась наибольшей среди других общественных движений. Собственно, это было связано уже с генезисом диссидентства как наиболее радикального, максималистского крыла «кухонных» кружков. После того, как участники дружеской беседы приходили к выводу о несправедливости общественного строя в СССР, некоторые из них уже не могли не действовать. Морализм диссидентской позиции и их происхождение из дружеских компаний превращал «отказника» от участия в акциях протеста в человека безнравственного. Противостоять моральному давлению, даже невольному, было тяжело.

Принадлежность к диссидентской среде создавала уникальные возможности самореализации, и это также было важным стимулом участия в движении. «Сегодня у него свои, известные миру, лидеры, средства массовой информации и даже свой “дипкорпус”. Сегодня принадлежность к нему — шанс обрести срок, но вместе с тем и возможность созвать собственную пресс-конференцию, обратившись через многие неповоротливые головы к совсем другим головам... Итак, диссидентство уже не просто вызов — и господствующему сознанию, и господствующей бессознательности, не только обязательство отстаивать каждого человека, отстаивающего свои права. И не один лишь разрыв с казенщиной, не одна лишь утрата прежнего статуса и места в “обществе”, но еще и возможность приобрести первое и второе, статус и место способом совершенно невероятным по прежним меркам, а ныне не только не исключенным, а даже вполне доступным»¹⁹, — писал М.Гефтер. Это — возможность самореализации, сопоставимая в своем кругу с возможностями руководителей страны. При дефиците оппозиции причастность к ней резко повышала значимость каждого ее члена. И не только в глазах самих диссидентов, но и в реальности. Не случайно именно Политбюро принимало важнейшие решения по поводу деятельности нескольких сот «отщепенцев».

Это состояние принадлежности к избранному кругу накладывало отпечаток и на моральные ориентиры, которые, как мы видели, были для дисси-

дентов определяющими. По мнению П.Волкова, «их мораль уже не была личной. Она основывалась на принадлежности к избранному меньшинству, к группе единомышленников. Мораль участников проверялась и поддерживалась группой. В этом сила групповой морали. Но ориентация на группу, на внешнее признание ослабляет крепость индивидуальной принципиальности. И когда диссидент оказывался в тюрьме, когда исчезал оценивающий взгляд группы и даже наоборот, референтной группой становилась бригада следователей, диссидент часто сдавался»²⁰. Последнее неверно — случаи «раскаяния» были довольно редки и очень ценились КГБ.

Вслед за нашумевшим в 1974 г. делом Якира-Красина в 1979—1980 г. властям удалось добиться покаяний некоторых оппозиционеров — одного из лидеров грузинской хельсинкской группы З.Гамсахурдия и отца Дмитрия Дудко. З.Гамсахурдия объяснял свой поступок решением продолжать оппозиционную деятельность (к чему его подельщик М.Костава отнесся с пониманием).

ГАМСАХУРДИЯ Звиад Константинович (1939—1994)

Первый президент Грузии. Родился в семье классика грузинской литературы К.Гамсахурдия, происходит из старинного княжеского рода. Закончил факультет иностранных языков и литературы Тбилисского университета. Кандидат филологических наук. Политическую деятельность начал в 50-е гг., тогда же впервые был арестован. Активный участник диссидентского движения в Грузии. Подвергался арестам. После покаяния в 1979 г. выпущен на свободу, работал старшим научным сотрудником Института грузинской литературы им. Шота Руставели. В 1991—1994 гг. — президент республики Грузия²¹.

С точки зрения многих диссидентов, такое поведение было непостижительно. «То, что некоторые нынешние неофиты отреклись (даже не посмотрев на орудия пытки), просто открыло перед всем миром, что в них не было благодати»²², — комментирует Г.Померанц случаи покаяний оппозиционеров. Но «отрекшиеся» (которые, кстати, вовсе не были неофитами) не считали, что отреклись в душе. Они видели в себе Галилея, предпочитавшего продолжать свое дело, даже если ради этого нужно публично покаяться. Сегодня трудно судить, допустима ли была такая сделка. Во всяком случае подобные ситуации всегда индивидуальны. Д.Дудко ставил религиозную проповедь выше оппозиционной деятельности. Его не принуждали к отречению от веры, от него не требовали показаний на «соучастников». И он предпочел веру политике. У З.Гамсахурдия не было таких оправданий, но и он не был осужден своим «подельщиком» М.Костава. Можем ли мы предъявлять моральные претензии?

Редкость случаев раскаяния, готовность идти в лагерь, свидетельствует о прочности групповой морали и ее тесной связи с личными убеждениями диссидентов. Однажды возникнув, непримиримость к существующему обществу наращивалась в диссидентской среде. Эта среда формировала и поддерживала собственную мораль. «Не была эта мораль и общечеловеческой, — продолжает П.Волков. — ...Высочайших вершин мораль социального

служения достигла у народников прошлого века. Меня всегда поражало, что среди диссидентов, фигурально выражаясь, нет Гриши Добросклонова, что некого назвать “народным заступником”. Ставить ли это в вину лично им или таков был дух времени, дух столичного бомонда. Ярче всего эта психология жертвенной элиты проявилась в стихотворении Галича:

*Ибо мы — это мы, а они — они,
А другие. Так те не в счет.*

Вот эти, которые “не в счет”, и были народом. Стоит ли теперь удивляться, что в политике цен не считаются с народом. И что этой политике аплодируют диссиденты Якунин, Ковалев и другие?»²³

Но то же самое делают и люди, которые никогда не были диссидентами. Мораль диссидентов не была агрессивно антинародной, но она допускала презрение к народу, которого не мог бы позволить себе народник XIX в. Диссиденты могли спорить об отношении к народу — объединяло их другое — активное неприятие официальной идеологической системы. Когда носители этой системы — от высоких региональных руководителей и министров до преподавателей научного коммунизма — откажутся от коммунистической идеологии, большинство видных диссидентов будут защищать новый режим независимо от социальных издержек его существования.

Все это произойдет много позднее. А в 70-е гг., по мнению самих диссидентов, «вопрос о политической позиции, о политическом переустройстве, о политической власти в рамках этого движения никогда не стоял...»²⁴ Но этот вопрос, как мы видели в предыдущей главе, обсуждался «инакомыслящими». Однако ставить его в «практическую плоскость» тогда было бы наивно.

Так складывалось молчаливое согласие — временный «отказ от политики», то есть от решения «вопроса о власти» в рамках движения. «Ценой за отказ от политики была распространенная в этой среде ”философия пессимизма”: надо научиться вести себя достойно в нашей вполне бесперспективной ситуации»²⁵. «Пусть провидение заботится о том, как спасти то, что можно спасти, а наше дело — оставаться людьми... Только из людей, нашедших опору в самих себе, сложится когда-нибудь новое общество без пророков и лжепророков»²⁶, — писал Померанц. После апокалипсиса возникнет общество индивидуалистов, людей с опорой в себе, без высоких идей и их пророков. «Люди с горящими глазами способны на жертвы во имя идеи, — пишет П.Волков. — Но ведь идея диссидентов не была содержательной. Они вполне отдавали себе отчет в том, что гораздо лучше знают, против чего выступают, за что критикуют существующее, чем представляют себе должное»²⁷. Это же касалось и партийных реформистов, что делало диссидентов опасными для системы — их логика была непонятна господствующей в партии группировке, но они могли в будущем найти общий язык с новым поколением партийных руководителей.

Отсутствие идеологии и выдвижение позиции, основанной исключительно на праве, участники движения считают характерной особенностью

диссидентского движения²⁸. Л.Богораз, С.Голицын и С.Ковалев считают, что только «Право» может обеспечить необходимые для выхода страны из кризиса «плюрализм мнений и борьбу интересов и одновременно поставить эту борьбу в известные рамки, предохранить общество от раскола... Идеал такого права — не новый для общества, но новый для России — и предложили нашему обществу правозащитники»²⁹. Это, однако, лишь одна из концепций, обсуждавшаяся в самиздате — либеральная. «Главный смысл общественного движения 60—80-х годов мы видим в том, что оно выработало в себе самом эти основы, эти идеалы Права. Оно не переняло их в готовом виде у Запада, но получило в виде отечественной традиции»³⁰. Но эта традиция лишь в незначительной степени передалась дальше. Гораздо сильнее воздействовала на следующее поколение оппозиции диссидентская традиция ненасилия. Не все участники движения, защищавшего право, возводили его в абсолют. Хотя тактика диссидентов, которая заставляла их постоянно решать именно правовые проблемы, превращала право и мораль в критерий истины правозащитников, в их «программу-минимум».

«Правовая» тактика диссидентского движения сформировалась в середине 60-х гг. Вот один из ее вариантов, сформулированный А.Есениным-Вольпиным (излагается в пересказе В.Буковского):

— *Вы же советский человек, — говорит с напором сотрудник КГБ, — а значит должны нам помочь.*

И что ты ему скажешь? — если не советский, то какой? Антисоветский? А это уже семь лет лагерей и пять ссылки... Между тем, доказывал Вольпин, никакой закон не обязывает нас быть “советскими людьми”. Гражданами СССР — другое дело. Гражданами СССР все мы являемся в силу самого факта рождения на территории этой страны. Однако никакой закон не обязывает всех граждан СССР верить в коммунизм или строить его, сотрудничать с органами или соответствовать какому-то мифическому облику. Граждане СССР обязаны соблюдать законы, а не идеологические установки»³¹.

П.Вайль и А.Генис комментируют последствия принятия диссидентами правозащитной тактики: *«Правозащитники сражались на территории противника, пользуясь его собственным оружием — то, что оружие было чужим, и оказалось решающим фактором. Когда прошла новизна, осталось главное: власть знала тот язык, на котором говорили с ней диссиденты, и если даже проигрывала в отдельных стычках, то в полной мере могла использовать свое стратегическое преимущество, — например то, что она все-таки власть»³².*

Тем не менее диссидентство стало перманентной кампанией гражданского неповиновения сложившимся в стране порядкам, которые (как и в большинстве стран) сильно расходились с писаными законами. Это было отрицание идеологии, которая, в свою очередь, радикально расходилась с окружающей действительностью. Есть такая форма забастовки — работники соблюдают все инструкции — и производство останавливается. Ибо со-

блюсти все инструкции нельзя. Радикальные интеллигенты решили действовать подобным же образом. И власти их не поняли. Добропорядочный советский человек (в том числе сотрудники КГБ, судьи и психиатры) с детства воспитывался в языковой среде, связывавшей идеологию (советский человек, прогресс, демократия, научная идеология) с окружающими реальностями (подданный СССР, успехи государства СССР, отечественный политический строй, марксистско-ленинская доктрина). Попытка разрушить эти логические связи и выполнять только отмершие положения закона (не выполняя при этом вполне живые его положения) воспринималось правящими кругами как очевидное сумасшествие. Диссидентов стали отправлять в сумасшедшие дома и подвергать их там жестокому лечению, вполне сопоставимому со средневековыми пытками.

Ответом диссидентов стал сбор и распространение материалов о психиатрических репрессиях. Большую работу по сбору материалов о психиатрических репрессиях провели В.Буковский, А.Подрабинек и др.

ПОДРАБИНЕК Александр Пинхосович

1953 года рождения. В 1974 году окончил фельдшерское училище, после чего работал в Москве в скорой помощи.

В январе 1977 года стал одним из основателей Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях в СССР. Комиссия занималась расследованием случаев психиатрических репрессий против неугодных властям лиц, собирала данные об узниках психиатрических больниц, обнародовала полученные сведения для советской и мировой общественности.

Написал на основе собранных им лично сведений книгу «Карательная медицина», которая вышла в Нью-Йорке в 1979 году. 14 мая 1978 года был арестован и приговорен 15 августа 1978 года к 5 годам ссылки по статье 190—1.

В ссылке продолжал заниматься правозащитной деятельностью. Сделал поправки и написал дополнения к своей книге, продолжал участвовать в работе «Рабочей комиссии». 13 июня 1980 года был арестован повторно и 6 января 1981 года приговорен по статье 190—1 УК РСФСР к 3 годам лагерей.

Выйдя на свободу в 1984 году, поселился в г.Киржаче Владимирской области, где жил под административным надзором. С 1984 по 1987 год работал в скорой помощи г.Кольчугино Владимирской области.³³

Впоследствии — издатель журнала «Экспресс-хроника».

При всем этом КГБ предпочитал избавиться от противника без репрессии. В январе 1978 г. «органы» неофициально дали знать диссидентам, что в ближайшее время «поток неофициальной информации прекратится. Перед людьми, осуществляющими передачу такой информации, стоит добровольный выбор, либо — это было бы лучше для всех — они уедут из страны, иначе придется поступить с ними в соответствии с законом. Речь идет о таких людях, как Копелев, Корнилов, Войнович, Владимов. На вопрос... не возврат ли это к сталинизму, последовал ответ: «При Сталине их сразу бы посадили, а мы предоставляем выбор»³⁴. Трое из названных литераторов

затем покинули страну и были лишены гражданства. Во время зарубежной поездки были лишены гражданства Г.Вишневская и М.Ростропович. Государство возвращалось к «ленинской гуманности», когда оппозиционных деятелей культуры стали не сажать и расстреливать, а высылать за границу. Но диссиденты этой «гуманности» не оценили. Комментируя указ о лишении его гражданства, В.Войнович писал в открытом письме к Брежневу: *«Вы мою деятельность оценили незаслуженно высоко. Я не подрывал престиж советского государства. У советского государства, благодаря усилиям его руководителей и Вашему личному вкладу, никакого престижа нет. Поэтому по справедливости Вам следовало бы лишить гражданства себя самого»*.

Я Вашего указа не признаю и считаю его не более чем филькиной грамотой... Будучи умеренным оптимистом, я не сомневаюсь, что в недалеком времени все Ваши указы, лишающие нашу бедную родину ее культурного достояния, будут отменены. Моего оптимизма, однако, недостаточно для веры в столь же скорую ликвидацию бумажного дефицита. И моим читателям придется сдавать в макулатуру по двадцать килограммов Ваших сочинений, чтобы получить талон на одну книгу о солдате Чонкине»³⁵. Это провидение оказалось верным в обоих частях.

Остроумные строки Войновича вряд ли дошли до адресата. Высылка имела печальный для кремлевских вождей международный резонанс, но аресты имели бы куда более неприятные последствия. Нередко власти ограничивались внесудебными наказаниями. Так, Г.Анищенко, подвергавшийся задержаниям и обыскам, в конечном итоге отделался увольнением с работы.

АНИЩЕНКО Глеб Александрович

1952 года рождения. Мать — дочь офицера Белой Гвардии, погибшего во время Гражданской войны. Отец (которого Анищенко никогда не видел — родители не были женаты) — из дворянского рода Раковых.

В 1975 году окончил филологический факультет Московского государственного университета (МГУ) им.М.В.Ломоносова. В 1975—77 годах работал старшим научным сотрудником и главным хранителем Государственного музея-заповедника А.Н.Островского «Щелыково» (Костромская область). В 1977—87 годах — сторож, лифтер, рабочий в различных организациях.

Верующий православный христианин. Был крещен в детстве, но долгое время «не был ни верующим, ни атеистом, ... все время откладывал этот вопрос». Склонился к религии отчасти под влиянием чтения религиозно-философской литературы, а в большей степени — под влиянием общения со священником о. Дмитрием Дудко.

В середине 70-х — начале 80-х годов участвовал в правозащитной деятельности, подписав ряд коллективных писем в защиту политических заключенных; передавал материалы об арестах и обысках в Обнинске и Калуге в Самиздат и за рубеж. В 1977—1984 гг. подвергался преследованиям со стороны КГБ³⁶.

Впоследствии — один из лидеров Российского христианско-демократического движения.

Аналогична была и судьба товарища Г.Анищенко — В.Аксючица, о чем уже говорилось. С последним КГБ позволило себе игру в приручение, которая тоже началась с обыска. В.Аксючиц рассказывает об этом. Его ранее не публиковавшийся рассказ интересен не только как еще одна иллюстрация «диссидентских будней», но и как свидетельство экспериментов по ресоциализации «вменяемых» диссидентов. Режим исследовал оппозицию в преддверии перемен, изучая возможности управления ею. В.Аксючиц рассказывает:

«Меня отпустили, но дальше меня постоянно стали вызывать, периодически на допросы в районное КГБ. Заводят в комнату, там сидит наверное человек десять. Со мной общается один, а десять человек сидит против меня одного. И как мне потом объяснили знающие люди, там были специалисты разные: психолог, даже обычно сидит какой-нибудь гипнотизер. Как бы просвечивать человека, рентген такой. И говорят, вот мы, после того, как рассмотрели ваше дело, решили ограничиться тем, что вы должны подписать заявление по указу Президиума Верховного Совета 79-го года. Могут не заводить уголовное дело на диссидента, а могут потребовать, чтобы он подписал заявление, что не будет продолжать свою незаконную деятельность. Так вот эта форма, подпишите пожалуйста, что вы больше не будете. Я говорю: “Вы знаете, я незаконной деятельностью не занимался и не буду заниматься. Почему я должен это подписывать?” “Нет, уж вы подпишите”. Тогда меня ведут к следователю, фамилия которого Гусев, как сейчас помню, интеллигентный молодой человек. Он начал: “Виктор Владимирович, почему вы не подписываете?” Я говорю: “Вы знаете, я как-то однажды нарушил заповедь памятки как нужно вести себя со спецслужбами”. “Да. А как нужно себя вести?” “Никак. Никаких дел. Я несколько лет назад написал заявление с просьбой вернуть книги, а у меня все равно все изъяли”. “Как изъяли? Вернем. Где это все было?” Дальше говорю: “Был у меня обыск. Забрали у меня старинные книжки, фотографии. Фотографию Соловьева забрали, бред какой-то, да? Ладно Солженицына, но отца Дмитрия, это все-таки мой духовный отец. Почему забирают, надо вернуть”. “Вернем, Виктор Владимирович, все вернем”. И дальше начинается душещипательная беседа: “Как же так, мы знаем, что вы были убежденным коммунистом. Как вы могли поверить в Бога, раз вы ученый человек?” На что я им отвечаю, что первое открытие, которое я сделал как философ — оказывается во всей мировой философии нет ни одного атеиста. Дальше он стал задумываться: “Как это нет? А как же Маркс и Энгельс?” Я говорю: “Позвольте, те, которых в ваших учебниках называют философами, во-первых, себя таковыми не считают, во-вторых, их современники таковыми не считают. Это были химики, биологи, врачи, экономисты, кто угодно, но не профессиональные философы. Они высказывали свои мысли на общие проблемы, но они себя не считали философами, и я не считаю”.

Маркс — гениальный политэконом, допустим. Это не философия. Энгельс — гениальный публицист. “А Ленин?” На это я ему отвечаю, что Ленин свой первый философский труд в философской тетради написал,

когда ему было 45 лет, и он сводится к тому, что он законспектировал некоторые работы некоторых философов. Собственно говоря, ленинское там только ругань». «А “Материализм и эмпириокритицизм”?» Я говорю, что это вообще не философское произведение, это ругань по поводу очень третьестепенных работ пятистепенных авторов, просто ругань. Он ничего не понял в том, что они писали, ни Мах, ни Авенариус. Мы разговариваем, разговариваем, и он говорит: “Знаете, очень плохо, что вы не интегрируемы. Мы хотели бы помочь интегрироваться, мы хотели бы исправить свою ошибку. Безусловно ошибка, что с вами так себя повели”. Потом звонит мне, назначает время и говорит: “Виктор Владимирович, приходите, мы вам возвращаем ваши вещи”. Прихожу. Мне возвращают все, что изъяли в моей квартире. Я говорю: “А книжки?” “Вы знаете, мы их еще не нашли. Мы обязательно их найдем”. А все что в квартире, все вернули. Включая книги, кстати говоря.

И тут я с ним затеял операцию, которую моя жена назвала “Орфей спускается в ад”. Очень рискованная операция, потому что она тоже нарушала памятку. Дело в том, что уже завели уголовное дело на нашего философского ученого Всеволода Катагуцина. Это слабый физически человек, и в тюрьме он просто умрет. Завели дела и на других. Круг сжимался. Они жили в провинции, в провинции все жестче.

Сажать начинали с провинции. И поэтому следующим был Катагуцин на посадку. И уже была расписана ему роль как лидера, вождя всего этого, так сказать, антисоветского движения. Я говорю, что в областном КГБ в Калуге ему сказали, что ты сволочь, собака, мы тебя, мы всех вас посадим. И через неделю мы тебя сажаем. Это человек, абсолютно ни к какому диссидентству, ни к какой антисоветской деятельности не имеющий отношения. Это же ваши люди делают. Как я могу вам доверять, если ваши люди такое делают? Кроме того, мы собираемся демонстрацию устраивать у Президиума Верховного Совета, и мы уже послали письмо председателю Президиума Верховного Совета Брежневу. Если не будет получен ответ, то мы соответственно будем выходить на демонстрацию в защиту Катагуцина. Мы на самом деле послали письмо.

“Когда демонстрация?» Я говорю: “Тогда-то, через две недели”. Он говорит: “Могли бы мне дать три недели, я обещаю вам, что я разберусь”. Проходит три недели. Он звонит мне домой и говорит: “Можете дать еще две недели? Тот, кто занимается, уехал в командировку в Калугу”. Я говорю: “Пожалуйста”. Месяц прошел.

Появляется экзальтированный Всеволод из Калуги и говорит: “Слушай, дело мое прикрыли”. Я говорю: “Как?” “Понимаете, — говорит, — меня вызывают в КГБ и говорят, да ладно, надоел ты нам, не будем мы тебя сажать, а вот, мол, подпиши такое от 79-го года. И я написал: так как я никогда не занимался антисоветской деятельностью, то обязуюсь и впредь ею не заниматься. И подписал”. И мне Гусев звонит и говорит: “Виктор Владимирович, вы удовлетворены?” Я говорю: “Да”. Он говорит: “Знаете что, я бы хотел предложить вам встретиться, в неформальной обстановке, где-нибудь в кафе, мы с вами посидим, все обсудим. Вы знаете, вы про-

профессионал экстракласса в своей области, мы очень нуждаемся в ваших консультациях, периодически, регулярно и так далее”. “Вы знаете, — говорю, — (имя и отчество не помню) я очень вас уважаю как профессионала и благодарен за то, что вы сделали для моего друга, но Вы должны понять, что я с вами, как с представителем КГБ, буду иметь дело только официально. Это значит, что мы с вами не друзья, мы с вами чаи распивать не будем, я распиваю чаи только с друзьями, я готов с вами встретиться, если у вас для этого будет повод. Должна быть повестка и чтобы было указано: какое дело и в качестве кого: свидетель или обвиняемый. Тогда я к Вам, конечно, приду, и тогда мы поговорим, а больше я к вам приходить не буду”. Тогда он говорит: “Так, Виктор Владимирович, ну ладно” и положил трубку. Больше мы с ним не встречались. Не только со мной, но и со многими моими знакомыми велись беседы о необходимости “интегрировать” их в общество. Совершенно очевидно, что в недрах андроповского КГБ разрабатывался какой-то план интеграции инакомыслящих»³⁷.

АКСЮЧИЦ Виктор Владимирович

Родился 28 августа 1949 в западно-белорусской деревне. Белорус.

Детство провел в Риге. В 1965—1969 годах учился в Рижском мореходном училище. В 1969—1972 годах служил в Военно-Морском флоте на Балтике. В 1971 году вступил в КПСС.

В 1972 году поступил на подготовительное отделение (рабфак) философского факультета Московского государственного университета, по окончании которого в 1973 году стал студентом дневного отделения факультета. В 1978 году закончил университет и поступил в аспирантуру на кафедру зарубежной философии. Был секретарем бюро студенческой, а затем аспирантской партийной организации.

В 1979 году был уличен КГБ в чтении и распространении эмигрантской религиозной и политической литературы. Во время обыска у него изъяли домашнюю библиотечку сам- и тамиздата. Из партии и из аспирантуры Аксючиц был исключен и с тех пор вплоть до 1986 года был вынужден работать на сезонных работах — строительным рабочим и руководителем бригады «шабашников» в колхозах и совхозах в Сибири и Казахстане, на Дальнем Востоке, в Центральной России, на Украине и Северном Кавказе. Одновременно писал богословские, религиозно-философские и публицистические статьи, которые публиковал в русской эмигрантской прессе.

В 1987 совместно с Глебом Анищенко начал издавать христианский религиозно-философский и литературный журнал «Выбор». С 1988 по 1991 был «закрытым членом» Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС). В 1988 году вошел в правление Научно-технического кооператива (НТК) «Перспектива», который был создан участниками общественного движения и являлся одновременно и коммерческим предприятием, и легальной «крышей» для деятельности политических неформалов различных оттенков — от либералов до анархо-синдикалистов. В 1989 году Аксючиц принял участие в создании советско-панамского совместного предприятия (СП) «Ruico». Народный депутат России в 1990—1993 гг. Избран от блока «Демократическая Россия». В

декабре 1991 г. — марте 1997 г. — в оппозиции к режиму Б.Ельцина. В 1990 г. избран сопредседателем Российского христианско-демократического движения (РХДД). С 1992 г. — председатель партии РХДД. В 1997—1998 гг. — советник Б.Немцова.

У.Лакер считает, что поведение властей в отношении инакомыслящих зависело от идеологической ориентации последних: «Интересно сравнить, как по разному обходились с академическими учеными Сахаровым и Шафаревичем. Шафаревич написал радикально-критическую работу о социализме, которую, как и другие его эссе подобного толка, опубликовали в Париже в 70-е годы. Он подписывал различные обращения диссидентов. И тем не менее его оставили в покое, а Сахарова, который исповедовал в то время идеи западной социал-демократии, не отрицавшего социализм *per se* (как таковой — А.Ш.), — многие годы безжалостно преследовали. Сахаров хотел для России свободы; Шафаревич стоял за великую и сильную Россию. Второго можно было использовать; первый был неприемлем»³⁸. В этом фрагменте работы американского публициста У.Лакера сосредоточено несколько распространенных стереотипов, заметно упрощающих отношение властей к тем или иным общественным течениям. Людей такого ранга, как Сахаров и Шафаревич, преследовали не столько за взгляды, сколько за действия. Имея более радикальные антисоциалистические взгляды, Шафаревич вел себя гораздо умереннее Сахарова, принимая в диссидентском движении более скромное участие. К началу наступления на диссидентов 1980—1983 гг. Шафаревич заметно снизил свою активность и поэтому под удар не попал. Что касается периода до 1980 г., то говорить о жестоких преследованиях Сахарова можно только с большой натяжкой — академика не преследовали, а притесняли — то же самое можно сказать и о Шафаревиче. Отношение властей к антикоммунистам-державникам и диссидентам-социал-демократам лишь в последнюю очередь определялось их идеологией (достаточно вспомнить отношение властей к державнику А.Солженицыну). Почвенник мог попасть под колесо репрессивной машины, а либерал — нет. Но «патриотические» организации не могли быть ориентированы на связь с Западом, а для либеральной оппозиции такая связь была естественной. Отсюда и разное отношение КГБ к организационным формам двух лагерей. Главным критерием здесь был уровень нелояльности и угроза внешнеполитическим позициям СССР.

Попавший в поле зрения КГБ человек подвергался слежке, разным формам давления, включая беседы, преследования по служебной линии и т.д. И только если после этого диссидент не прекращал свою «противоправную деятельность», следовал арест (редкие исключения лишь подтверждают правило).

Иногда диссидентам «сходили с рук» даже серьезные правонарушения. Так, во время процесса над Ю.Орловым в 1978 г., А.Сахаров и Е.Боннэр, участвовавшие в митинге у здания суда, во время потасовки нанесли удары сотрудникам КГБ и милиционеру. Административный суд ограничился

штрафом соответственно в 50 и 40 рублей³⁹. Во времена «демократии» наказания за подобные действия были гораздо более серьезными.

Вообще режим старался не злоупотреблять арестами. В брежневские времена некоторые решения об арестах принимались на самом высоком уровне и были, как правило, связаны со сложными внешне- и внутриполитическими соображениями. Оказавшись под арестом, подследственный изолировался от внешнего мира. Начинались допросы, которые часто походили на академические дискуссии. Допрашивая писателя Л.Тимофеева, подполковник А.Губинский квалифицированно разбирает источники, приведенные в книге подследственного и подводит итог: *«Таким образом, сделанный вами вывод в этой части не вытекает из использованного источника, то есть утверждение о тысячах колхозах по цифрам неурожайного года и относящимся всего к трем колхозам одной нечерноземной области противоречат объективному исследованию данного вопроса»*. Чем не фрагмент научной конференции? Далее тон «научного оппонента» становится более грозным: *«К тому же говорилось о 6—7 пудах зерна и 10—15 рублях деньгами как о сумме оплаты труда колхозников за год, без учета количества выработанных трудовых — дополнительное свидетельство необъективности и преднамеренного искажения действительности»*. Итог «научного выступления» уже совсем не академичен: *«Покажите, разве это не является подтверждением вашего умышленного истолкования любых данных в ущерб их объективности, с целью возведения злобных клеветнических измышлений на существующий в СССР государственный и общественный строй»*⁴⁰. Результат — 11 лет лишения свободы уже в «горбачевском» 1985 г.

Рискованная игра в научный спор расширяла поле многомыслия, полужоиззавшего в обществе. Здесь все зависело от резкости выражений, от открытого вызова власти, от неуступчивости ей. «Источники», которые диссиденты использовали для обоснования своих резких выводов, часто можно было взять в библиотеке. Разговоры, которые потом инкриминировались в качестве преступных, велись далеко не только диссидентами. «Ситуация, отдаленная хотя бы на десять лет в прошлое, многим видится уже не столь четко. Идеологическое утрирование накладывает свой отпечаток. Кое-кому застой уже представляется как всеобщее оцепенение от страха, и на его фоне светится героико-романтическая роль диссидентов. Но если бы господствовал леденящий страх у населения, то не было бы и диссидентов. В действительности они шли на шаг впереди общественного сознания по пути оппозиционности. Правда именно этот шаг мог оказаться роковым. Уже многие не любили власть, издевались над престарелыми правителями, скорее, презирали, чем боялись, карательные органы. Но чувства эти не были демонстративными. Население усвоило негласно выработанные правила поведения и держалось в рамках этих правил. И правительством не требовало искреннего обожания... Начальство заботилось только об исключении демонстративности, открытости неповиновения, его организованности и огласки за рубежом. Вот почему раскаявшихся, “припавших к стопам” диссидентов легко прощали. Нужен был лишь знак покорности. Но и для

тех, кто ступил на стезю диссидентства, как бы сами собой установились правила поведения, допускаемого властью, только уже другие, особые правила. Время от времени власти напоминали о существовании этих очерченных границ: обысками, “профилактическими беседами”, слежкой», — считает П.Волков⁴¹.

«Обычно с обыском приходят в среду, — рассказывает В.Аксюциц. — В понедельник выходят на работу, ставится задание, во вторник совещание по выполнению задания. Поэтому арест обычно в среду и в четверг. Вот два дня наиболее опасных. Обычно приходят в 8 часов утра. До этого слишком рано, им не хочется вставать самим, а позже все уходит на работу. Среда, 8 часов утра — наиболее опасное время. Раздался звонок. Подбегаю к дверям, чуть приоткрываю и вижу, что стоят шкафы и амбалы, штук 8, забита вся площадка. Я захлопываю дверь, кричу: “Подождите, дайте одеться”. Дальше начинаются стуки, звонки непрерывные. Я даю жене записную книжку и говорю: “Рви и жги, по листочку отрывай и жги”. Сам быстро стараюсь где-то что-то хоть как-то припрятать. Я открываю дверь и, как положено по диссидентским инструкциям, говорю: “Простите, а кто вы такие? Предъявите документы”. Они мне предъявили документы. На самом деле я ничего не вижу, такая волнительная ситуация, делаю вид, что читаю. Они мне говорят: “Почему вы так долго не открывали?” Я говорю: “Надо было одеться”. Они говорят: “Понятно”. И тут я понимаю, что я стою в халате на голое тело. “Долго вы одевались”. Они говорят: “Почему у вас дым в квартире?” Я говорю: “Вы может быть голландскими дезодорантами пользуетесь, а мы бумажками в туалете пользуемся”.

Они заходят, рассвирепелые, конечно же, обидели их. А принцип поведения с ГБ — физически следует вести себя абсолютно толерантно, но внутренне духовно твердо. Они меня сажают посередине комнаты и говорят: “Вот сидите здесь и не вставайте”. Даже одеться не дают. И начался обыск. Переворачивается вся квартира. Я посидел, успокоился, помоллся. Всегда в квартире что-то остается, что жалко, что дорого, не хочется, чтоб пропало. Я вижу, что это что-то находится и складировается на мой стол, который перед этим тоже обыскали, мой рабочий стол. Через некоторое время я встаю, помолясь, и начинаю за ними в полках наводить порядок, ставить книги на место и по ходу этого дела приближаюсь к столу, открываю ящик стола и то, что мне не хотелось бы им отдавать, кладу в ящик стола. В это время один из обыскивающих оглядывается от шкафа, который он потрошит, смотрит на меня невидящим взглядом, ничего не говорит и отворачивается. Часа три прошло, один звонит, что ничего не нашли. Там ему указание, чтобы искали дальше. Они искали еще два часа. В унитаз руку засунули, крупу пересыпали. Жена, чтобы успокоиться, сидит на кухне и строчит на машинке, что-то шьет, я у себя в большой комнате. Наконец опять звонит: “Ничего не нашли”. Там им команда, мол везите его самого. Они мне говорят: “Одевайтесь, поехали с нами”. Я говорю: “Обязательно поеду, но только с повесткой, чтобы было сказано там, по какому уголовному делу и в качестве кого: обвиняемого или

свидетеля". Он в телефон сообщает: "Повестку просит". "Там вам дадут повестку". Я говорю: "Нет, вы знаете, я туда поеду, а повестку нужно здесь". Тут на авансцену выходит капитан милиции, в форме и говорит: "Вы знаете, я официальное лицо, я в форме, вы не подчиняйтесь, да я вас сейчас посажу за неподчинение властям, да я сейчас вам устрою, сейчас понятых позову, ваших соседей". Хлопает дверьми, выходит на лестничную клетку. Какие понятые? Понятые тут же сидят. "Немедленно одевайтесь". Я говорю: "Нет. Вы знаете, я законопослушный гражданин, все по закону. Дайте повестку". Стулья вперед, короче. Тогда приводит мою жену, показывает на меня пальцем и говорит: "Повлияйте на своего мужа. Он перед нами пытается продемонстрировать свою мужскую силу". Когда мы это услышали, мы заржали естественно. Они так и не поняли, что он сказал, поэтому мы смеялись только вдвоем. Тогда, ругаясь, несколько человек сели в "Волгу" и поехали куда-то. Приезжают. За это время я, естественно, надеваю теплое белье, собираю еду. Когда к тебе приходят с обыском, такое впечатление, что входят во всю страну с обыском. Такая кампания началась. И непонятно, когда ты вернешься, совершенно непонятно.

По ходу дела пошел, позвонил друзьям, что-то они не замечают ничего: "Вы знаете, у меня обыск". Тут ко мне бросилась целая куча моих друзей. Они не успели доехать, приезжает поехавший за повесткой и привозит огромного амбала, вооруженного до зубов, он выглядел примерно так, как сейчас ОМОН или "Альфа". Дает мне повестку, я внимательно читаю, там все написано: "...в качестве свидетеля и т.п." Я говорю: "Все, поехали". И они спокойно сажают меня в "Волжанку" и везут в прокуратуру, не в ГБ, а в районную прокуратуру. И соответственно там начинает допрос следователя прокуратуры. Как потом выяснилось, формальным поводом для обыска они избрали арест одного из диссидентских поэтов, христианских, и первый вопрос они начали по отцу Дмитрию Дудко. И опять же, как это распространялось в памятках что такое КГБ и как себя нужно вести, я все точно, по тексту: имя, фамилию, отчество, все сообщаю. "Скажите пожалуйста, знакомы ли вы с отцом Дмитрием Дудко?" Я говорю: "Извините, этот вопрос не имеет никакого отношения к этому уголовному делу". "А когда вы с ним встретились?" "Извините, это не имеет никакого отношения к уголовному делу".

Таким образом я отвечаю. Он начинает выходить из себя, начинает ругаться. "Вы нарушаете какую-то там статью УПК, мы вас посадим, вы должны и т.д." Я отвечаю: "Что на все вопросы, относящиеся к этому делу, я готов отвечать, правда я ничего об этом не знаю". "Ну, — говорит, — сейчас я вам устрою".

"Ну, с вами сейчас прокурор разберется". Пошел куда-то. Приходит и говорит: "Все! Вас прокурор вызывает. Все! Сейчас он вам покажет". Огромный кабинет, сидит где-то в конце за огромным большим столом человек, который вскакивает и совершенно лучезарно: "Виктор Владимирович, здравствуйте! Заходите". Один следователь крутой, другой добрый. И вот он добрый. Он говорит: "Вы знаете, я первый раз в жизни встречаю среди диссидентов нормального человека. Интеллигентного, кра-

сивого молодого человека. Я посмотрел ваше дело, вы учились отлично, вы философ. Как интересно. Откуда вы родом?" Я говорю: "Из Белоруссии". А он мне: "Надо же, а я Белоруссию освобождал, шел с войсками. Я знаю, там все православные были. Наверное поэтому вы стали верующим?" Я говорю: "Да". Действительно, детское впечатление, на всех перекрестках дорог стоят кресты либо часовенки и все останавливаются, снимают шапки и крестятся, либо на коленях. "Да, вот у меня тоже такое впечатление. Когда мы освобождали российские земли, то войдешь в хату, а там все тараканы, тараканы. А в Белоруссию войдешь в хату, а там иконы, иконы. Да, вы такой талантливый, как жалко, что вы не работаете, вам надо по профессии работать, мы вам поможем, обязательно. Только вот знаете, следователь задает вопрос, вы сами понимаете, что это нужно для вас же, для вашего же дела, для государства. Вы уж ответьте на все вопросы". Я говорю: "Я отвечаю на все вопросы, которые имеют отношение к делу. Но он-то мне задает вопросы, которые не имеют отношения к делу. На них я отвечать не буду". "Как не будете? Я же вам только что все сказал. Я же вам все объяснил, что это надо для государства и пр." Я говорю: "Вы знаете, я отвечаю по закону. В законе писано то-то". "Ах так. Рассмотреть заведение уголовного дела по факту тунеядства". Здесь я был застрахован, потому что я трудовую книжку вел аккуратно, все справки собирал. Короче говоря, не прошло»⁴².

Взаимное поведение диссидентов и сотрудников «органов» играло некоторую роль в судьбе оппозиционера, но важную роль играли обстоятельства «большой политики». «При обострении международной обстановки границы эти (имеются в виду границы дозволенного диссидентам — А.Ш.) сужались, но накануне встреч в верхах аресты были маловероятны... Положение диссидента представлялось положением обреченного лишь постороннему обывателю, те же, кто был близок к диссидентству, считали свое положение неустойчивым, рискованным, зависящим от неподконтрольных им факторов большой политики, но все же дающим шанс в тюрьму не попасть. Конечно, в оценке величины этого шанса могли быть ошибки, — считает П.Волков. — ...Балансирование на грани рождало и страх, и азарт. Привычка к неопределенности — бесшабашность. Иногда это вело к фаталистическим настроениям. Иногда парализовывало волю к свободе. По характеру обыска вполне точно научились определять, предшествует он аресту или нет. Тут значимым было и наименование уголовного дела, и время обыска. И вот точно зная о предстоящем аресте, далеко не все пытались скрыться, что, кстати, было вполне доступно, правда, вело к прекращению деятельности и контактов. Не всех, кого КГБ собирался посадить, он посадил. Кое-кому удалось скрыться. Их особенно и не искали»⁴³. Однако легкость, с которой можно было уйти от преследования, лишний раз доказывает, что нежелание скрываться было вызвано не упомянутыми Волковым фатализмом и бесшабашностью, а сознательным стремлением противостоять режиму до конца. Это стремление было органичным выражением тактики диссидентов, которая предполагала непримиримость к сложившемуся морально-политическому порядку и открытость действий.

Открытость работы диссидентов вовсе не означала отсутствие всякой конспирации. Диссиденты часто открыто подписывались под своими заявлениями и «антисоветскими» статьями, но нередко пользовались псевдонимами. «Самиздат» изготовлялся конспиративно — иначе и быть не могло. Столь же нелегально шло распространение запрещенной литературы. Демократическое движение напоминало айсберг, в котором блещущая на солнце надводная часть опиралась на подводную массу. Это подполье обеспечивало «тылы» диссидентов, действовавших открыто. Благодаря конспиративной работе движение сохраняло свою связь с периферией, с сочувствовавшими людьми, не готовыми идти на такие же жертвы, как лидеры.

Мне довелось соприкоснуться с диссидентской средой уже «на излете» ее активности. Удивляло пренебрежение к конспирации в одних вопросах и крайняя тщательность в других. Человек мог проповедовать в присутствии случайных людей, но, передавая тебе крохотную книжку, запаянную в непрозрачный полиэтиленовый пакет, долго ходил, отрываясь от потенциальных «хвостов». Тогда по неопытности я посмеивался над этими правилами, и только позднее понял, как точно они «притерты» к особенностям уголовного кодекса. В.Новодворская вспоминает: «Часто обмен книг происходил, как в чухраевском фильме “Жизнь прекрасна”, с помощью двух одинаковых пластиковых сумок. Я думаю, КГБ был в курсе, но гоняться за каждой книжкой в Москве не считал нужным... Книги распространялись, как святое причастие, как Грааль. Их брали с благоговейным и тайным ужасом: многие из них тянули на семь лет. Конечно, в Москве в 70-е сажали уже не за это: скорее, за правозащитную деятельность, за сбор подписей под письмами протеста, за участие в организациях типа Хельсинкской группы, не говоря уже об участии в издании “Хроники текущих событий” или листовок и подпольных журналов»⁴⁴. Впрочем, и за это сажали далеко не сразу. Сначала пытались припугнуть. Но человек не знал, какова «длинна зуба», выросшего на него у власти.

«В условиях тоталитарного режима открытость независимой общественной позиции при полной беззащитности от преследований грозит, казалось бы, немедленным крахом. Однако правозащитное движение именно вследствие открытости показало себя неожиданно эффективным — его призыв был услышан и внутри страны, и за ее пределами... — считает Л.Алексеева. — Правозащитное движение, начавшееся в Москве в узкой интеллигентской среде, вышло за ее пределы, распространилось по стране, проникло в другие социальные слои...»⁴⁵ Парадокс кажущийся. Диссидентское движение потому и смогло открыто развиваться, что действовало не при тоталитарном, а при авторитарном — более терпимом, режиме. Отчасти это движение было даже необходимо государству — как прибор, определяющий силу давления в котле. Оно вбирало в себя недовольных радикалов из всех слоев общества. Но массовым так и не стало, хотя периферия движения была достаточно велика.

«Верхушка айсберга» диссидентства должна была вдохновлять остальных своим моральным примером, холодной неуступчивостью власти. Это предопределяло ключевую роль политического судебного процесса в такти-

ке движения. «Звездным часом, ужасом и восторгом каждого диссидента был суд. Суда ждали как важнейшего жизненного события, мысленно готовились к нему даже те, кто еще ничего не совершил. Суд был как бы проверкой биографии на истинность ее смысла»⁴⁶. В этом диссиденты шли за народниками. Речь на суде была средством агитации, ее писали заранее.

3—5 апреля 1979 г. проходил суд над И.Зисельсом, обвинявшимся в распространении запрещенной литературы. «Вести из СССР» писали об этом событии: «В первый день Зисельс объявил отвод суду как небеспристрастному, ибо судьи — члены КПСС, а речь идет о критике ее политики. Зисельс просил также вызвать в суд более 500 свидетелей: всех, упомянутых в “Архипелаге ГУЛАГ” и оставшихся в живых лагерников, а также авторов многих самиздатских книг и статей». В заключительном слове Зисельс говорил: *«Мне 32 года. Я сделал выбор. Этот выбор — противостояние злу и насилию. Я успел сделать всего несколько шагов по выбранному мною пути. Но я счастлив, что выбор сделан, и что он таков»*⁴⁷. Но кого агитировал подсудимый? Судьям и «массовке» в зале его логика была просто непонятна. Характерен диалог участника Христианского семинара В.Пореша с судьей на процессе:

Пореш:... нам нужен весь мир.

Судья: Что, что вам нужно?

*Пореш: Весь мир*⁴⁸.

Несмотря на то, что мысль Пореша напоминала знакомую каждому советскому судье фразу «основоположников» о том, что «приобретут пролетарии», судьи даже в глубине сознания не могли сравнить ее со словами подсудимого, говорившего о верующих-диссидентах. Для людей, живших в соответствии с официальной парадигмой, синтезировавшей житейский прагматизм и марксистско-ленинскую терминологию, мысли диссидентов казались абсурдными. В зависимости от экспрессивности их выражения инакомыслящие рассматривались как преступники или сумасшедшие. Поэтому на процессе они могли агитировать только своих единомышленников. Акт жертвенной самоагитации сплачивал диссидентов прочнее любых клятв.

Агитация судебной речи не оказывала воздействия на народ — он ее не слышал, а услышав (залы заполнялись дружинниками — теми же работягами) не понимал. Но речи оказывали важное «побочное действие» — их публиковали на Западе. А западное общественное мнение оказывало все более ошутимое воздействие на правящую элиту СССР.

Диссиденты надеялись, что они провозглашают то, что думает, по крайней мере, большинство интеллигенции. Как пел Ю.Ким,

*На тыщу академиков и член-корреспондентов,
На весь организованный культурный легион
Нашлась лишь эта горсточка больных интеллигентов,
Чтоб выразить, что думает здоровый миллион.*

Между тем «горсточка больных интеллигентов», шокировавшая своими действиями не только большинство советских граждан, лояльных режиму, но и сам «здоровый миллион», испытывала сложные чувства по поводу своей исключительности. «Особенно трудно жить полуотщепенцем, в полуотрыве от массы, не порывая своих связей с ней, не замыкаясь в свою секту»⁴⁹, — считал Г.Померанц. Большинство диссидентов не выдержало этого испытания, предпочитая свой ясный и очевидный мир полной противоречий советской действительности. И это углубляло изоляцию от «внешней среды».

Настроенность на изоляцию становилась одной из важнейших черт, формирующих структуру диссидентского движения. Л.Алексеева вспоминает, что в конце 70-х гг. «ядро московских правозащитников составляли зачинатели этого движения, рассматривавшие его как чисто нравственное противостояние, не имеющее каких-либо политических целей, в том числе целей вербовки сторонников. Они не ставили перед собой и цели расширения движения, распространения его на другие социальные слои, как это имело место в Польше, а когда это произошло само собой, без их усилий, не оценили этого и отшатнулись от чужаков»⁵⁰. В этом — ключевое различие диссидентов и следующего поколения оппозиции — неформалов.

Групповой изоляционизм определял психологический климат в движении и, во многом, его структуру. *«Каждый человек имеет несколько кругов общения: дома, на работе, среди друзей и т.д. Человеку свойственно стремиться к поиску собеседников, у которых его мысли найдут положительный отклик, разговор с которыми стимулирует его дальнейшие размышления. Таким образом, человек начинает двигаться внутри круга общения, сближаясь с единомышленником, затем, при его посредничестве, переходя в новый для себя круг общения, пересекавшийся на его собеседнике с прежним кругом. Человек приобретает знакомства, с одной стороны, все более близкие себе, а с другой — все более рельефно, все более радикально выражающие его вначале мимолетные мысли. Такое движение будет продолжаться до той поры, когда встанет вопрос о цене новых дружеских обязательств, или, точнее говоря, до той поры, когда эта цена будет человеком осознана. В брежневский период за слово в приятельской компании уже не сажали или, скажем так, это не было настоящей причиной посадки, а лишь изредка поводом для нее. Поэтому круг общения диссидентов мог расширяться, поскольку это позволяли технические возможности: ведь не было залов и публичных объявлений о встречах. Но были квартиры, были связи с другими городами и довольно широкие связи», — пишет П.Волков и выделяет следующие «круги» диссидентского движения:*

«1. Официально легализированные члены комиссий и комитетов, редакций, как правило, впоследствии поплатившихся арестом или эмиграцией.

2. Менее известные и не вошедшие в группы, но также активные и пострадавшие за это люди. Известны они становились в момент ареста, обыска, увольнения с работы или исключения из ВУЗа.

3. Подписанты — не скрывавшие своего имени под эпизодически появлявшимися письмами протеста, постоянные участники собраний — наперечет известные КГБ, но не преследовавшиеся им специально. (В ранний период диссидентского движения преследовались и подписанты, но чаще через партийные органы).

4. Постоянные помощники, не афиширующие свои имена, но обеспечивавшие конспиративные связи, хранение денежных средств, печатного оборудования, предоставлявшие свои адреса для получения писем из лагерей при посредстве случайных доброхотов.

5. Люди, составлявшие более широкий круг общения, моральной поддержки, эпизодически поставлявшие информацию для диссидентских изданий.

6. Круг людей любопытствующих, желающих быть в курсе экстравагантностей общественной жизни, но подчеркнуто дистанционировавшихся от практического участия и конкретных обязательств»⁵¹.

Существование периферии позволяет лидерам диссидентства отрицать свою оторванность от общества: «несмотря на свою относительную малочисленность, правозащитники вовсе не были изолированными от общества, разрозненными одиночками. Несомненно также, что правозащитное движение отражало более или менее осознанное, но все же весьма глубокое недовольство развитием страны после такой обнадеживающей хрущевской «оттепели», и прежде всего недовольство узкого слоя интеллигенции... Однако, будучи по своему социальному составу преимущественно интеллигентским, это движение — во всяком случае в субъективном восприятии его участников — отнюдь не претендовало на то, что представляет интересы этого слоя... Оно вообще не представляло и не отражало групповые интересы — оно выражало общественную и в то же время глубоко личную позицию тех, кто в нем участвовал, тех, кто его поддерживал, тех, кто ему сочувствовал»⁵². Общая численность людей, подписывавших диссидентские документы, составляла около 1500 человек⁵³. «В “теневых формах” правозащитной деятельности — материальной помощи репрессированным, распространении “самиздата”, сборе правозащитной информации — постоянно или эпизодически участвовало гораздо больше людей»⁵⁴. Из этой среды комплектовались ряды активных правозащитников. И все же это было значительно меньше «здорового миллиона». Речь может идти о нескольких десятках тысяч людей. Однако инакомыслие было на порядки более широким явлением, нежели диссидентство как движение. Но в этом случае речь может идти не о диссидентских, а о неформальных структурах, которые были разветвленнее и старше диссидентства и далеко не всегда воспринимали его в качестве своего «авангарда».

Инакомыслие в широком смысле слова включало в себя умеренных либералов, стремящихся оказывать давление на власть, и радикальных диссидентов, отвергавших взаимодействие с властью: «Еще вчера диссидентство только нарождалось у нас: не познавшее себя, с неотделившейся пуповиной. Отчасти — движение по инерции, продолжающее взывать к “верхам”, прислушивающееся к мало-малейшим шорохам в коридорах власти с наде-

ждой на очередной поворот: нельзя ж ему не быть... отчасти же (и все большей частью) — нравственный протест в самом широком спектре помыслов и целей, не вполне одинаковых, а то и вовсе несовпадающих»⁵⁵. Эта «пуповина» так и не оборвалась. Периферия диссидентского движения и некоторые его представители (особенно это характерно для полудиссидента Р.Медведева) продолжала искать пути воздействия на верхи и взаимодействовать с той частью диссидентской среды, которая шла на конфронтацию с властью.

Жгучей проблемой для диссидентов оставался поиск точки опоры. Если не власть, то народ? Но и народ казался многим диссидентам «реакционной массой», выражаясь словами начала века. Г.Померанц писал: *«Конфуций говорил: “Когда царит добродетель, стыдно быть далеко от двора. Когда царит порок, стыдно быть близким ко двору”. Я думаю, слово “двор” можно заменить словом “народ”. Смысл не переменится. Небо может отвернуться от народа так же, как от государя и двора, и тогда быть отщепенцем совсем не стыдно. Просто трудно»*⁵⁶.

Психологическое отторжение от народа определяло тесную культурную связь классического диссидентства с Западом, который превращался для большинства диссидентов в «точку опоры», которой не было внутри страны. В результате диссиденты оказывались в эпицентре геополитической борьбы и брали на себя такую же роль в СССР, как коммунисты и «левые» в США. Подобно социалистам начала века, диссиденты воспринимали себя как часть интернационала. «Правозащитное движение влилось в международное движение за права человека»⁵⁷, — пишет Л.Алексеева. Но такая позиция предопределяла преобладание в среде диссидентов западнической идеологии.

Несмотря на доминирование западников, противопоставление себя народу было характерно далеко не для всех инакомыслящих. Другую точку зрения на соотношение народа и инакомыслия высказывал И.Шафаревич. Инакомыслие было характерно не только для открытой оппозиции: *«Мне кажется, что в нашей стране все люди прежде всего разделяются на два типа. Первые — это те, кто чувствует, что его судьба неразрывно связана с судьбой его страны, кто ощущает себя ответственным лично за ее будущее. Вторые — это все остальные. Я не хочу сказать, что первый тип и есть диссиденты, это совершенно неверно. Под западное понятие “диссидента” подходят лишь те из них, кого их жизненная установка привела к явному столкновению с аппаратом власти... Но подавляющее большинство в такое явное столкновение не вступают: учитель, старающийся рассказать школьникам вопреки программе побольше о Пушкине и поменьше о Шолохове; люди, борющиеся против загрязнения озера Байкал, вызывая неудовольствие начальства, писатель, рассказывающий о трагической судьбе русской деревни, и т.д., и т.д. И все же основным представляется мне не факт столкновения с властями, прежде всего бросающийся в глаза, а МОТИВ этого столкновения: не внешнее действие, а внутренняя его причина. Например, человека, вступающего в какой-нибудь “Комитет” или “Комиссию”, чтобы тем самым заставить власти разрешить ему эмигра-*

ровать — было бы неразумно относить к тому же социальному типу... Подобно тому, как человека и страуса можно объединить в одну группу по принципу хождения на двух ногах, но это не поможет пониманию сущности ни одного из обоих видов»⁵⁸.

Отношение «народа» к диссидентам было также «неоднозначным». Два незначительных меньшинства с одной стороны ее безусловно поддерживали, а с другой — люто ненавидели. Психологию первого меньшинства хорошо проиллюстрировал В.Буковский, наивно распространяя ее чуть ли не на все общество: «советский читатель, прочтя, скажем, в “Правде”, что Солженицын — поджигатель войны, а Сахаров — агент мирового империализма, лишь ухмыльнется»⁵⁹.

Другие реагировали на диссидентов так, как попугайчики Е.Боннэр: «В купе, кроме меня, было еще две женщины средних лет и один мужчина... — “Вы жена Сахарова?” — “Да, я жена академика Андрея Дмитриевича Сахарова”. Тут вмешался мужчина: “Какой он академик! Его давно гнать надо было. А вас вообще...” Что “вообще” — он не сказал. Потом одна женщина заявила, что она советская преподавательница и ехать со мной в одном купе не может. Другая и мужчина стали говорить что-то похожее... Крик усилился, стали подходить и включаться люди из других купе, они плотно забили коридор вагона, требовали остановки поезда и чтобы меня вышвырнуть. Кричали что-то про войну и про евреев..., я прямо ощущала физические флюиды ненависти»⁶⁰. Сахаров записал в своем дневнике по этому поводу: «Столкновение в поезде 4 сентября было, конечно, спровоцировано несколькими гебистами, но большинство пассажиров, кто по охотке, кто из страха, приняли участие в общем крике»⁶¹.

БОННЭР Елена Георгиевна

1923 года рождения. Отец — Геворк Алиханов, был заведующим отделом кадров Коминтерна. В 1937 году родители были репрессированы. Окончив семь классов в Москве, Боннэр после ареста родителей вместе с младшим братом жила у родственников в Ленинграде.

В 1940 году поступила на вечернее отделение факультета русского языка и литературы Ленинградского педагогического института имени Герцена.

В 1941 году ушла добровольцем на фронт. В октябре 1941 года была тяжело ранена и контужена. После госпиталя работала в санитарных поездах. Демобилизована в августе 1945 года в звании лейтенанта медицинской службы. Инвалид Отечественной войны второй группы. Два года после войны лечилась в госпиталях.

В 1947 году поступила в Первый Ленинградский медицинский институт, одновременно работая медсестрой в детской больнице. Окончила институт в 1953 году по специальности педиатр, работала участковым врачом, врачом-педиатром родильного дома, читала курс «Детские болезни» в медицинском училище, работала по командировке Министерства здравоохранения в Ираке.

Ей присвоено звание «Отличник здравоохранения СССР». Имеет 32 года трудового стажа, несмотря на то, что с 22 лет считается инвалидом Отечественной войны. В 1970 году признана инвалидом второй группы пожизненно.

Работу по специальности сочетала с литературной деятельностью. Писала для Всесоюзного радио, печаталась в журналах «Нева», «Юность», в «Литературной газете», в газете «Медработник», участвовала в сборнике «Актеры, погибшие на фронтах Великой Отечественной войны», была одним из двух составителей книги Всеволода Багрицкого «Дневники, письма, стихи» (1964 год), получившей премию Ленинского комсомола, сотрудничала как внештатный консультант в литконсультации Союза писателей, была редактором в ленинградском отделении Медицинского государственного издательства.

В 1938 году вступила в комсомол, все годы службы в военно-санитарном поезде — комсорг, в институте — профорг курса. С 1965 года — член КПСС. В 1972 году вышла из партии.

Занималась правозащитной деятельностью. Принимала участие в кампаниях протеста против ареста участников правозащитного и диссидентского движения. В 1970 году на процессе Пименова-Вайля встретила с академиком А.Сахаровым, за которого позднее вышла замуж. 29 сентября 1974 года основала фонд помощи детям политзаключенных, передав на его создание полученную Сахаровым итальянскую премию Чино дель Дука.

В 1975 году выезжала на Запад для лечения глаз и по поручению Сахарова принимала присужденную ему Нобелевскую премию мира.

Один из учредителей Московской Хельсинкской Группы (МХГ), созданной в 1976 году. В 1977—1982 годах была организатором всех пресс-конференций МХГ, поддерживала тесные связи с западными корреспондентами.

22 января 1980 года, когда Сахаров был сослан в Горький (ныне Нижний Новгород), Боннэр поехала вместе с ним. До лета 1984 года была связующим звеном между Сахаровым и мировой общественностью.

6 сентября 1982 года в связи с угрозой ареста старшей участницы МХГ С.Калистратовой двое последних из остававшихся на свободе членов группы, Боннэр и Н.Нейман, заявили о прекращении деятельности МХГ.

10 августа 1984 года Горьковским областным судом Боннэр была осуждена на 5 лет ссылки по обвинению в «клевете на советский общественный и государственный строй». Местом отбывания наказания был оставлен Горький. Вместе с Сахаровым была полностью отрезана от внешнего мира.

12 февраля 1985 года написала прошение о помиловании и разрешении выехать в США для лечения и встречи с детьми от первого брака. После голодовки Сахарова разрешение на выезд было получено.

На обратном пути из США в СССР Боннэр приняли президент Франции Ф.Миттеран и премьер-министр Франции Ж.Ширак, премьер-министр Англии М.Тэтчер⁶².

Пожалуй, наиболее типичным было отношение к диссидентам, описанное в другом месте воспоминаний Е.Боннэр: «— Боннэр Елена Георгиевна, — и вижу, он руку не мне, а к двери протянул, закрыл, и полупшепотом: — “Та самая?” — “Да, та самая”. — “Никогда не подумал бы”. — “Недостаточно страшна для той, о которой читали?” — “Пожалуй”... На мой вопрос, как он может верить тому, что писал Яковлев, отвечает вопросом: “А как не верить, на основании чего?”... Он говорит, что думает, что теперь в стране

все по-другому, но, когда говорит это, видно: он не меня — себя убеждает. В разговоре с ним все время было у меня ощущение: вот еще немного, совсем немного, и что-то в нем прорвется, перестанет он сам себя утешать ложью. Но — не прорвалось»⁶³.

На отношение общественно активных людей к диссидентам может пролить свет подсчет откликов на высылку Сахарова в Горький, пришедших в «Правду» в январе-феврале 1980 г. 384 человека одобряли это решение, 14 призывали власти отговорить академика от его ошибочной позиции и интересовались, чего же он все-таки добивается. 18 человек отважились поддержать академика, причем читатель Андреев написал, что «его мужество вызывает сочувствие»⁶⁴. «Такое письмо в газету требовало определенного мужества. Мой друг Леонид Романков, ныне депутат Законодательного собрания Петербурга и член городского политсовета Демократического выбора России, а тогда сотрудник телевизионного института и участник “периферии” диссидентского движения (позднее подвергся обыску и добровольно-принудительному увольнению в 1982 г.), в 1980 г. после высылки Сахарова написал в “Известия” письмо в его защиту — более или менее осторожное. Ему никто слова худого не сказал, но вскоре без объяснений лишили “секретного допуска”»⁶⁵, — рассказывает В.Прибыловский.

В 1981 г. диссиденты провели опрос отношения к Сахарову 853 человек, принадлежащих к самым разным слоям населения, но преимущественно проживающих в Москве. Большинство рабочих, принявших участие в беседах (56%), не могли сформулировать свое отношение к Сахарову. 12% считали его врагом народа, а 12% полагали, что он очень важен для страны. Еще 8% относились к нему хорошо. Из инженеров и научных сотрудников 15% считали, что Сахаров вреден стране, а 44% относились к нему положительно, и еще 19% считали, что он очень важен. Трое представителей этой категории (1%) считали Сахарова героем. Наибольший разброс мнений, как и надлежит, представила гуманитарная интеллигенция, но с некоторым уклоном в положительные оценки. В среде молодежи 15% опрошенных считали Сахарова врагом народа, а 34% — относились хорошо. Наиболее острое неприятие, что тоже закономерно, представили руководители (40% — враг народа, 22% — бесполезен, с жиру бесится, 12% — полезен, 20% — очень важен) и члены КПСС (48% — враг народа, 16% — вреден), но и здесь положительные оценки высказали 24% опрошенных⁶⁶. При оценке этих данных нужно иметь в виду, что среди опрошенных велик процент людей, не впервые соприкасающихся с диссидентством. Но все же эти данные подтверждают мысль Шафаревича о широком распространении инакомыслия вне среды открытой оппозиции.

Однако различие во взглядах жителей СССР, рассмотренное в предыдущей главе, не было непосредственно связано с радикализмом поведения. Спектр отношения к власти оппозиционной интеллигенции был широк. Вот лишь некоторые выдвигавшиеся тогда позиции в пересказе В.Буковского:

— *Служить надо России, коммунисты когда-нибудь сами собой исчезнут...*

— *Россия — страна рабов. Никогда у русских не было демократии и не будет. Они к ней не способны — нечего и пытаться. С нашим народом иначе нельзя!...*

— *Надо спокойно делать карьеру, проникнуть наверх и оттуда пытаться что-то изменить — снизу ничего не сделаешь.*

— *Надо войти в доверие к советникам вождей, воспитывать их и поучать в тишине — только так можно повлиять на государственный курс»⁶⁷.* Каждое из этих мнений частично оправдалось. Одни сделали карьеру и сумели «спустить с тормоза» механизм реформ. Им советовали другие. В соответствии с предупреждением третьих, авторитарные традиции в России оказались весьма велики, и движение к демократии шло неровно и тяжело. Но, как и предсказывали четвертые, коммунисты (по крайней мере по самоназванию) «исчезли» (по крайней мере у руля власти). Но все же демократический потенциал народа оказался велик, и реформы сверху переплелись с мощным движением снизу. Так что каждая из сторон в этом споре имела достаточное количество аргументов, чтобы продолжать дискуссию до сих пор.

Все варианты поведения оппозиционно настроенных людей сводились к четырем основным: инакомыслящий мог стать частью оппозиции, частью ее периферии, войти в либеральный лагерь или отказаться от общественной активности в ожидании более благоприятных условий. Народ проснется, прождавшие десятилетие оппозиционеры выйдут на поверхность политической жизни, и окажется, что они — плоть от плоти Системы. В «затаившемся подполье» вызревала номенклатурная революция постаревших шестидесятников.

По мере вычленения диссидентов из общей массы вольномыслящих (то есть не согласных с официозом) усиливалось противоречие между диссидентами и «либералами», доходившее до откровенного презрения. *«Современный либерал живет, оглядываясь на людей. Заповедей у него нет, категорический императив сдан как идеалистический выверт. Но есть стыд и совесть. Это достаточно, пока не оторвали от друзей и не втянули в принудительное общение с тем, что выросло на месте совести. С антисовестью»,* — считал Г.Померанц⁶⁸. Но, конечно, отношение к либералам у диссидентов было более снисходительным, чем к власти: «Галилей говорил, как говорят наши родственники и соседи: “Не надо мученичества! Достаточно доводов науки! Раньше ли, позже ли, но наука возьмет свое!” А Бруно нас молчаливо осуждает. Этот человек истину отстаивал по-средневековому: всем собой... Знаю одно: мир простил Галилею его слабость. Мир не простил инквизиции ее силу»⁶⁹.

«Средневековая» мораль диссидентов определила их логику разногласий с либералами, носивших не столько идеологический, сколько тактический характер, хотя обоснование разногласий могло быть этическим. Претензии диссидентов поддерживают и авторы более позднего времени. Американский публицист У.Лакер из своего далека упрекает в трусости «либералов»-«славянофилов»: «Почему они не пользовались самиздатом? Если бы судьба нации была под угрозой, некоторые из них могли бы проявить

чуть больше смелости»⁷⁰. Но эти же слова с тем же успехом можно было бы отнести и к «либералам»-«западникам», заменив «судьбу нации» на судьбу страны, мира, свободы. Упрек в адрес одного из идеологических крыльев грешит против истины — славянофилы Солженицын, Шафаревич, Осипов («некоторые из них») писали в самиздат. Но острие высказывания Лакера направлено против писателей-«деревенщиков», которые позднее, в эпоху «гласности», стали высказываться гораздо радикальней. То же произошло и с «либералами»-«западниками». Причина этого явления лежит вне идеологической области. Перед «либералами» (в отличие от диссидентов) стоял выбор: потерять возможность печататься массовыми тиражами или сменить массовую трибуну на свободу от цензурных ограничений в узком кругу. «Либералы» выбирали первое, диссиденты, достигшие известности прежде — второе.

Таким образом, отказ от участия в самиздате — вопрос не этический, обсуждаемый в категориях «смелость-трусость», а тактический, обсуждаемый в категориях эффективности. Диссидент обычно мог воздействовать на сотни людей, а также на либеральную часть интеллигенции и руководства. «Либералы» общались с миллионами, в том числе с тем же руководством, являясь для него фактором не международного (как диссиденты), а отечественного общественного мнения. И то, и другое было важно. «Либералы» никогда не были вполне свободны не только в словах, но и в размышлениях, и диссиденты постоянно «будили» их мысль. В итоге эффект диссидентской агитации проявился в воздействии все на тех же либералов, которые прямо или косвенно консультировали будущих реформаторов. Таким образом, оппозиция стала одной из «мозговых лабораторий» будущих реформ, в то время как либералы играли роль «проводника» диссидентских идей в верхние этажи власти. Власти так и не удалось отгородить диссидентов от либеральствующей интеллигенции, и это имело далеко идущие последствия. Б.Альтшулер иллюстрирует это собственным примером: «Но почему-то нравоучительная беседа — это единственное, что он (КГБ — *А.Ш.*) предпринимает, чтобы одернуть баловников. В моем случае вообще проблема решалась элементарно — надо было просто дать указание Отделу режима ФИАНа лишить меня пропуска на семинар. Однако все годы я помещал их без проблем... И, повторю, физиков, ездивших к Сахарову, ни разу не обыскали. Вот где, наверное, истоки перестройки. Невозможно не вспомнить здесь теперь уже хорошо известное шуточное стихотворение А.Д.Сахарова, сочиненное во время ссылки...

На лике каменном Державы,
Вперед идущей без заминки
Крутой дорогой гордой славы,
Есть незаметные Щербинки.

Диссиденты имели возможность пропагандировать либералов. И когда возникла потребность в радикальных идеях, многими шестидесятниками были востребованы именно диссидентские идеи.

Но диссидентов не устраивала «тайная война» «либералов». В этом отношении показателен заочный спор Ф.Бурлацкого и М.Гефтера. Поводом для него стал круглый стол «Права человека: суть спора, суть проблемы» в № 10 «Нового мира» за 1978 г. Официальное обсуждение начал Г.Боровик. По его мнению, СССР — это страна, *«которая первая в мире совершила социалистическую революцию, впервые проложила путь к социалистическому обществу, в котором наиболее полно выражаются и соблюдаются права отдельной личности и всего общества»*. Ему вторил Ф.Бурлацкий: *«империалисты ловко пытаются оседлать действительно важную проблему — проблему прав человека, которая остро поставлена XX веком... Интересно, что именно в последние десятилетия она встала как проблема прав личности... Нам надо разграничить империалистическую пропагандистскую кампанию и проблему прав человека»*.

В разговор маститых журналистов со страниц самиздата «встревает» историк М.Гефтер: *«Разумно? Разумно. Чувствуется, что Федор Бурлацкий не вполне согласен с Генрихом Боровиком. В качестве профессора, сам собой, нажимает на проблемы. Не то, чтобы с размаху, я мол думаю так-то и так-то, а — надо изучить, разработать... Нашей стране не присуща проблема прав человека...»*⁷¹. Бурлацкий противопоставляет социалистическую, демократическую и буржуазно-либеральную, элитарную концепции прав человека. Гефтер комментирует: *«Понимать нужно: буржуазной и демократической быть не может... Странно, конечно (или наоборот, совсем не странно), что из поля зрения главного теоретика новомирского “круглого стола” выпала такая деталь, как вторая мировая война, в которой “элитарная концепция” обнаружила некоторые свойства, позволившие не только меньшинству и даже большинству, а всем людям — выжить и остаться людьми»*⁷². Это был сильный аргумент, но опасный. Ведь точно такой же логикой можно было оправдывать и сталинскую систему, которая в условиях той же войны позволила большинству людей «выжить и остаться людьми».

Понятно, что Гефтер в своем заочном споре пытался зародить сомнение в стереотипах, казавшихся незыблемыми. Но такая игра мысли была рискованной, так как рождала соблазн применения «двойных стандартов» к Востоку и Западу. Либерал оглядывается на реалии страны, и это ведет его в ловушку — слишком тесный союз с властью — разрушительный для моральных принципов, отрывающий от страдающего общества. Диссидент смотрится в зеркало своего понятия о совести, и попадает в другую ловушку — слишком резкий разрыв со всем, что связано с властью, в том числе и с тем же страдающим обществом. И как результат — союз с другим обществом и с другой властью.

Отрицая существующее в СССР общество в принципе, диссиденты превращались в часть иной культуры, западной (если понимать под ней культуру и общественные стереотипы Северной Америки и Западной Европы). Ориентация на Запад была обусловлена трагизмом ситуации, в которой диссиденты не могли найти достаточную опору внутри страны (хотя, как мы видели, в реальности точки опоры здесь существовали). В.Новодворская

комментирует стремление наладить широкие контакты с Западом: «Диссидентам хватало и правозащитной деятельности, и если они ориентировали ее на Запад, то потому, что слишком хорошо понимали, что только там можно искать защиты, что здесь не сдвинуть ничего, даже при несталинском уровне репрессий»⁷³.

Связь с Западом компрометировала движение в глазах соотечественников, для которых именно в той стороне света располагался «потенциальный противник». Но это было не столь важно, так как собственный народ для части диссидентов уже находился «по другую сторону баррикады» или, в лучшем случае, был обманут врагом. А враг моего врага — мой друг. Чужая власть вела себя не так, как своя, и потому казалось, что она на порядок нравственней.

Важнейшей силой, которая могла помочь диссидентам с Запада, были средства массовой информации, прежде всего радио, вещающее на СССР. Западное радио было важнейшим средством пропаганды, посредником при обращении диссидентов к обществу и государственному руководству⁷⁴. Для достижения конкретных результатов диссиденты стали апеллировать и к западным государственным деятелям. Вскоре «Запад стал придавать большее значение защите отдельных лиц, чем общей проблеме защиты прав человека»⁷⁵.

Помимо случайных слушателей западного радио среди граждан СССР, государственных руководителей, знакомившихся с содержанием передач по долгу службы, западных политиков, важнейшим потребителем информации «голосов» были сами инакомыслящие. «...Характерная черта быта: коллективное слушание зарубежного радио. — вспоминает П.Волков. — С таким напряженным вниманием наши граждане слушали радио разве что в войну. Радио, с его умелой звуковой аранжировкой, не просто информировало, оно задавало ритм жизни, оно тревожило, возбуждало, стимулировало. Сообщения о своих заявлениях приводили в восторг, известия о делах коллег рождало чуть ли не спортивный азарт»⁷⁶. Это были «свои» средства массовой информации, доверие к которым можно сопоставить разве что с преданностью западной интеллигенции к либеральным «массмедиа» в 90-е годы. Такая ситуация воспитывала не критичность сознания в тех, кому хватило критicismа, чтобы отвергнуть окружающую социальную действительность. Но на этом энергия иссякла, и была необходима подпитка. Мир снова становился «черно-белым», как до разрыва с властью. Перенос диссидентское мировосприятие на широкие слои населения, В.Буковский пишет: «огромное количество людей слушает западные радиостанции на русском языке и постоянно сравнивает услышанное с написанным в советской прессе. Официальная пресса перестает быть средством массовой информации. Даже если по принципу сломанных часов, дважды в сутки показывающих верное время, в газетах появится правдивое сообщение, ему все равно никто не поверит»⁷⁷. «Огромное количество людей» слушало радиоголоса хоть раз в жизни, но это не приводило к перевороту в их сознании и тотальному недоверию официальным средствам информации. Огромные тиражи газет рас-

ходились регулярно, что не мешало их читателям спокойно и столь же регулярно обсуждать новости «голосов» и «подлавливать» то один, то другой источник на дезинформации. В этом отношении общество было не менее плюралистичным, чем диссидентская среда. В.Прибыловский вспоминает о роли голосов в социально активной среде: *«Фактическим сведениям, сообщаемым голосами, как правило, верили, “вражеской” интерпретации — другое дело. Весь социально активный слой (несколько миллионов чиновников) и самая широкая интеллигенция — вплоть до сельских учителей и врачей, конечно, слушала поголовно. В провинции даже больше, чем в Москве (в Москве тщательнее глушилось). В глухой провинции — в Чистополе сам я слушал Голос Америки, Би-Би-Си и Дойче велле (“Свобода” моим приемником почти не бралась) с 5—6-го класса (1967). Примерно с 8-го класса из 30 моих одноклассников около 10 слушали эпизодически и 3—5 — довольно регулярно. В общежитии истфака МГУ в 1975—80 гг. сводка новостей Би-Би-Си или Голоса слушалась во всех мужских комнатах практически ежедневно. В подмосковном Ново-Иерусалимском музее в 1981—86 во всех отделах рабочий день начинался с пересказа за чаем (кто чего услышал) последних сообщений “вражеского голоса”. Тому же самому был, как правило, посвящен, первый перекур в каждый рабочий день в курилках карбюраторного завода ЗИЛа в 1974—75 (второй и третий перекур трепались уже о выпивке и бабах). По моим наблюдениям, простой пересказ сообщений “вражеского голоса” в присутствии партийного или административного начальника, даже самого ортодоксального, “отпора” не вызывал, “отпор” начинался, если выскажешь открытое сочувствие к “врагам”. То есть поговорка “Есть обычай на Руси — ночью слушать Би-Би-Си” соответствовала истине. Про себя лично могу сказать, что к 1-му курсу университета дошел до взглядов примерно так Роя Медведева в значительной степени под влиянием “голосов” (переход к более радикальной “антисоветчине” произошел под воздействием Самиздата уже в студенческие и послестуденческие годы)»⁷⁸.*

Утверждение о «поголовном» прослушивании голосов советской элитой, конечно, — преувеличение. Но не столь значительное. По данным более поздних социологических опросов до Перестройки западное радио слушало до 80% опрошенных⁷⁹. Но это вовсе не значит, что у большинства населения СССР доверие к западным источникам информации было выше, чем к отечественным. Значительной частью жителей страны Запад воспринимался как противник, ведущий идеологическую войну. Соответственно, и оценки «голосов» не вызывали доверия, хотя услышанные факты обсуждались и передавались из уст в уста, но уже со своей интерпретацией. Это отношение характерно даже для «либеральной» части интеллигенции, не говоря уже о более ортодоксальных слоях населения, которые и в 90-е гг. сохранили верность «идеям Ленина». Лишь большинство диссидентов и часть периферии движения относилось к голосам с безусловным доверием. И в этом отношении диссиденты оправдывали наименование «инакомыс-

лящие» (а не «вольномыслящие», как предлагал характеризовать их академик Сахаров).

Взаимодействие с Западом через каналы «массмедиа» оказывало заметное влияние на структуру движения, предвосхищая будущую зависимость «демократической политики» от законов действия средств массовой информации. «В условиях ослабленного тоталитаризма широкое инакомыслие дало лишь единицы людей, сделавших протест своим образом жизни. Конечно, и внимание западных (а вслед за ними и советских) массмедиа было приковано лишь к единицам. Такова природа прессы, что ей нужны суперзвезды. И случалось, диссиденты говорили иностранным корреспондентам, что они пишут об одних и тех же. Вопрос был не только о шекотании самолюбия, но и безопасности. Путем сложной диалектики возрастающая известность сначала увеличивала опасность ареста, а потом уменьшала ее. Человека малоизвестного власти скорее решились бы арестовать. Но пресса ориентировалась на постоянных функционеров, а их действительно было мало и, кроме того, монополизация ими каналов на Запад была их установкой... Но и иностранные корреспонденты проявляли осторожность, не расширяя круг своих информаторов из-за боязни провокационных подставок КГБ. Я знаю много случаев, когда автономные группы так и не получили доступа своей информации на зарубежное радио. Широко известно стало о них лишь из чужих сообщений об их аресте. Подчас они и хотели бы передать информацию непосредственно за рубеж, но не рисковали прибегать к посредничеству инфильтрованных агентами КГБ известных диссидентских групп»⁸⁰, — рассказывает П.Волков.

Для большинства диссидентов Запад (изрядно идеализированный) превращался в позитивную программу и образ для подражания. П.Волков считает: «Запад воспринимался не как наше возможное завтра, а как нечто принципиально несравнимое. Но парадоксальным образом для самих себя, они все же пытались организовать по мере возможностей некий микро-Запад в качестве личного окружения»⁸¹.

Это, конечно, не значит, что все диссиденты были западниками. Как мы видели, среди инакомыслящих было немало консерваторов, националистов и социалистов. Но и те, и другие, и третьи принимали правила игры, при которых они жили в «микрозападе», наслаждаясь его свободой слова в качестве политических меньшинств.

Культура терпимости, которой пытались придерживаться диссиденты, стала одним из высших достижений их движения. «У диссидентов-западников была одна хорошая черта (то есть, конечно, не одна, но эта, пожалуй, главная): они были интеллигентны, терпимы, не требовали ни от кого жертв (жертвуя собой) и умели прощать»⁸².

Это было так, хотя не везде и не во всем. Западное общество, находясь в «кольце врагов», испытывая давление со стороны коммунистического или исламского движения, может быть очень агрессивным, внутренне нетерпимым и недемократичным. Диссиденты, оказавшиеся на «переднем крае» антикоммунистической борьбы, не могли избежать этих процессов, хотя развивались они не столько по идеологической, сколько по личностной ли-

нии. Несколько преувеличивая масштаб проблемы, П.Волков пишет: «конфликты носили перманентный характер. Тем не менее конфликты между группами (а каждый личный конфликт развивался в межгрупповой), скорее, служили их внутреннему сплочению и активизации, чем понижению морального климата в движении. Так, напряженность между семинаром Огородникова и приходом священника Дудко не ослабила ни того, ни другого, а даже наоборот».

ОГОРОДНИКОВ Александр Ионьевич

1950 года рождения. В 1967 году окончил среднюю школу в Чистополе. В 1967—1970 годах работал токарем на Чистопольском часовом заводе. Был комсомольским активистом, возглавлял городскую Боевую комсомольскую дружину (БКД), помогающую милиции в борьбе с преступностью. О работе Чистопольского БКД писала газета «Комсомольская правда».

В 1970 году поступил на философский факультет Уральского Государственного университета в г. Свердловске. В этот период Огородников разочаровывается в коммунистической идее и приходит к христианству. В 1971 году за откровенные разговоры об этом его исключают из комсомола и университета с формулировкой «за образ мышления, несовместимый со званием комсомольца и студента». По мнению Огородникова, немаловажную роль в его исключении сыграл Г.Бурбулис, будущий государственный секретарь Российской Федерации, в ту пору один из руководителей комитета комсомола университета.

В Чистополе в доме Огородникова был проведен обыск, по материалам которого против него было возбуждено дело по обвинению в клевете на советский общественный строй. Правда, вскоре оно было закрыто. Огородников уезжает в Москву и, скрыв факт своего исключения из Уральского университета, поступает во Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК), получает именную стипендию. В 1973 году его исключают с третьего курса ВГИКа — формально за «академическую неуспеваемость», а фактически, по требованию КГБ — за попытку снять фильм о религиозных исканиях молодежи. В это время Огородников сближается с хиппи, ездит по стране автостопом.

После исключения из ВГИКа Огородников работает грузчиком и сторожем, в 1973 году принимает православное крещение.

В октябре 1974 года Огородников организовал Христианский семинар по проблемам духовного возрождения России, в котором принимали участие люди из многих городов. С группой единомышленников (Владимир Пореш и другие) начал выпускать самиздатский журнал «Община», выходивший до 1978 года.

В 1976—1977 годах подписывает несколько писем в защиту церкви и верующих. 13 апреля 1977 года «Литературная газета» публикует направленную против Огородникова статью «Свобода религии и клеветники». В 1978 году Огородников отказывается от предложения властей эмигрировать из СССР. 23 ноября 1978 по обвинению в тунеядстве Огородников был арестован, а 10 января 1979 года был приговорен к году исправительно-трудовых работ и направлен в Исправительно трудовую колонию (ИТК) № 7 в Комсомольске-на-Амуре.

В 1979 году был этапирован из ИТК-7 в Ленинград (свидетелем по делу активиста Христианского Комитета Пореша) и там, в тюрьме, в день предполагаемого освобождения был вновь задержан в связи с делом о распространении журнала «Община». 4 сентября 1980 года по обвинению в антисоветской пропаганде был приговорен к 7 годам лагеря и 5 годам ссылки. Всего по делу, связанному с Христианским семинаром, было арестовано 7 человек, остальные пятеро были заключены в психиатрические больницы.

В 1979—1985 годах отбывал наказание в пермской политзоне «Пермь-6». В 1985 году, незадолго до освобождения, был осужден еще на три года лагерей по новой «андроповской» статье 180 УК РСФСР по обвинению в оказании сопротивления лагерной администрации, а фактически — за голодовки — в защиту прав политзаключенных и с требованием для себя Библии. Кроме того, против него дополнительно было возбуждено дело по обвинению в религиозной пропаганде и антисоветской агитации в лагере. За время заключения голодал в общей сложности два года⁸³.

Впоследствии — председатель Христианско-демократического союза.

«Другое дело, когда группа конфликтовала против одного из своих членов, — продолжает П.Волков. — Эта ситуация действительно становилась жестокой. Ведь замкнутая группа была для человека целым миром, с которым он связал свою судьбу, в глазах которого искал поддержки и был готов пожертвовать ему годами заключения. Изгнание из группы несомненно бывало горьким. А такие изгнания происходили периодически. Здесь, видимо, какая-то психологическая закономерность: напряженность в группе перекладывается на одного человека, и группа избавляется от него, восстанавливая свою внутреннюю гармонию. Но каково бывало жертве этого коллективного бессознательного?... Обвинения, а еще больше подозрения друг друга в связях с КГБ бывали постоянно. Под подозрение попадало столько лиц, что среди них неизбежно, просто в силу статистической закономерности, не могло не быть настоящих агентов. Но вот полностью доказать обвинение, как правило, было невозможно. Поэтому обвинениями пользовались в качестве орудия личной неприязни»⁸⁴. Эта закономерность проявлялась и позднее, в конце 80-х гг., в неформальном движении.

Часто выяснялось, что тяжкие обвинения в принадлежности к КГБ ложны. Но это не мешало обвинителю и дальше выдвигать их, а его сторонникам — верить в это. Так, известный своим обвинительным пафосом Г.Якунин накануне своего ареста писал в документах Христианского комитета, что конфликтовавшая с ним А.Загвязкина используется КГБ для провокаций в приходах. На процессе Якунина Загвязкина выступала в качестве свидетеля и заявила, что, несмотря на разногласия, считает отца Глеба человеком истинно христианской жизни, чистых принципов и примером для всех⁸⁵.

Несмотря на то, что постоянная угроза провокации, преследующая любое подпольное и полуподпольное движение, отравляла жизнь диссидентов, их быт был психологически привлекателен. Здесь собрались люди, которые могли свободно обсуждать запретные темы, интересные сами по себе и иг-

рающие важную роль в жизни страны. П.Волков вспоминает, что «жизнь у диссидента была особенной, больше всего в ней было разговоров. Разговоры тянулись беспрерывно в течении дня и продолжались далеко за полночь. Приходили и уходили гости, сменялись лица и темы, но беседа не прерывалась»⁸⁶. Диссиденты существовали в режиме «мозгового штурма», постоянных обсуждений общественных проблем (ибо вся их жизнь была сплошной общественной проблемой), и неудивительно, что даже в условиях недостатка информации диссидентская мысль достигла больших успехов, чем мозговые центры КПСС.